

Колечко с бирюзой

Автор:

Ирина Мельникова

Колечко с бирюзой

Ирина Александровна Мельникова

Когда-то Наташа совершила роковую ошибку – вышла замуж за нелюбимого, а с Игорем Карташевым, единственным мужчиной в ее жизни, рассталась и даже не объяснилась, застав целующимся с другой. На память о нем осталось лишь колечко с бирюзой... И вот новая встреча, через много лет. Игорь не узнал в ней, красавице-брюнетке, девочку с золотой косой, сломавшую ему жизнь. Но почему-то очень болезненно отреагировал, когда на Наташу обратил внимание местный авторитет Пеликан. А друг Игоря Степанок, начальник милиции, решил этим воспользоваться и попросил Наташу познакомиться с Пеликаном поближе...

Ирина Мельникова

Колечко с бирюзой

Бирюза в переводе с персидского «счастье»...

Вместо пролога

Японское море

...Огонь и страшная, душераздирающая боль!..

Боль и огонь! Огонь и боль!.. Он вырывался из объятий настигавших его языков пламени, но огонь вновь и вновь преграждал ему путь, безжалостно лизал тело, дым выедал глаза... Он пытался кричать: где-то совсем рядом была помощь, были люди, которые не могли не откликнуться на его призывы...

Слова рвались из стиснутого спазмом горла, застревали в нем, оставаясь в плену запечатанных нестерпимым жаром губ... Боль от ожогов, казалось, парализовала и волю, и последние силы. А за стеной огня вставала еще более страшная стена сплошного мрака.

Он чувствовал: непреодолимая сила толкает его сквозь огонь и нестерпимую боль все дальше и дальше, в объятия равнодушной и пугающей тьмы. Последние силы покидали его, а вместе с ними таяла и надежда на спасение. Он перестал цепляться за крохотный островок надежды, и тут же безумный вихрь подхватил, понес, закрутил его, словно высохший лист, поднял в запредельные выси, и в просвете между тучами, далеко-далеко внизу, мелькнул крошечный пограничный катер и догоравшее суденышко контрабандистов.

В доли секунды видение исчезло, а впереди возник чудовищный зев гигантской трубы, куда его с оглушительным ревом и свистом нес воздушный поток. И он понял, что не осталось у него сил и желания бороться с этой неумолимой стихией, не в состоянии он больше сопротивляться тому неминуемому, что ожидает его в конце последнего в жизни стремительного полета...

Но внезапно смолкли и рев, и свист, исчез омерзительный запах из жерла трубы, а на смену оглушительной тишине пришли вдруг звуки, словно тысячи хрустальных колокольцев принялись исполнять хрупкую и нежную старинную мелодию.

Вихрь сжался, свился в клубок и вдруг опал к ногам тонкой женской фигурки в длинном белом одеянии. Женщина протянула к нему руки, и вихрь тотчас исчез в складках ее одежды, которые белыми крыльями взметнулись над человеком, овеяли его прохладой, благодатью, и сразу же отступила тьма...

Женщина склонилась над ним, нежные губы коснулись его щеки, и он почувствовал, как уходит боль, отпускает из своих тисков измученное тело...

Неописуемо яркое небо накрыло их своим покрывалом, а может быть, женские глаза вобрали в себя этот успокаивающий бирюзовый цвет?..

Человек облегченно вздохнул, напряженные мышцы расслабились, и он... улыбнулся...

Часть I

1989 год

Глава 1

На перроне, как обычно поутру, преобладали дачники: старушки и старики, а еще отпускники – мужчины и женщины – с рюкзаками, сумками на колесиках, многочисленными ведрами, корзинами и кошелками. Сейчас они были настроены весьма благодушно: дары садов и огородов не оттягивали руки и плечи, не ныли от усталости ноги, не кружилась голова и пока не повышалось давление от целого дня, проведенного на солнцепеке. Полусонные дети тоже вели себя спокойно: не крутились под ногами, а покорно держались за руки мам и бабушек – досыпали на ходу. Мужчины торопливо докуривали «Беломор» и мирно беседовали на вечные темы: получится ли по возвращении выпить холодного пивка, попасть на футбол и с каким счетом продуют на этот раз портовики своим соперникам – морякам-пограничникам. Женщины были заняты обсуждением насущных семейных проблем: как распорядиться излишками выращенных нелегким трудом плодов и овощей, где достать крышки для консервирования, получится ли вечером купить детям молока... Прилавки магазинов почти опустели, и многие продукты давно уже отпускали по талонам.

Подошла пригородная электричка, и сразу же пестрая, разноголосая толпа рысцой поспешила ей навстречу, разбилась на несколько групп и устремилась в вагоны.

Посадка в утренние электрички всегда напоминала Наташе то ли спешную эвакуацию отступающих войск, то ли взятие пиратами на abordаж торгового судна, а может, и штурм крепости Измаил героическими русскими войсками. Особенно усердствовали благодетельные бабули и дедки. Забыв о возрасте и воспитании, ветераны труда не прокладывали себе дорогу в вагон сквозь возбужденную толпу дачников, а словно шли в атаку на вражеские позиции. Они шустро работали локтями, успевая всю поносить и железнодорожное начальство, и современную молодежь, и узкие двери, и высокие ступени, и зазевавшуюся невестку, и отставшего внука...

С молоком матери впитавшие понятия «дефицит» и «блат» как мерилу истинной ценности человека в обществе, привыкшие добиваться жизненных благ с наскока, силовыми приемами, советские граждане с такой энергией брали приступом вагоны, что ее вполне хватило бы для запуска небольшого спутника Земли.

Наташа, наученная горьким опытом, предпочитала пережидать штурм вагона в относительно безопасном месте у газетного киоска. За несколько минут до отхода электрички бои местного значения поутихнут, и тогда можно спокойно войти в вагон и даже иногда устроиться на свободном месте, подремать под тихое жужжание разговоров или поглазеть на пролетающие за окном пыльные кусты, промышленные корпуса и караван невысоких сопок, поросших буйной дальневосточной растительностью.

На этот раз ей повезло. Шумная компания железнодорожных рабочих в оранжевых жилетах сошла через четверть часа на одном из разъездов, и Наташа уселась возле окна. Прислонившись виском к оконной раме, она попыталась вздремнуть, но сон не шел. Стоило прикрыть веки, и перед глазами, как на параде, выстраивались шеренги стеклянных баночек и пузырьков для анализов, громоздились окровавленные бинты в перевязочной, а запах хлорки и лекарств, казалось, навечно пропитал все вокруг. И хотя после каждого дежурства она тщательно мылась под душем, меняла всю одежду и белье, ароматы госпиталя продолжали преследовать ее в электричке и даже дома.

Наташа посмотрела на свои руки: загрубели и шелушатся от постоянного общения с водой и хлоркой. За месяц работы она перемыла, наверно, чуть ли не сотни гектаров пола, но кроме этого у санитарки масса других забот, и мытье туалетов и санобработка больных – не самые из них неприятные. Вчера в ночь, к примеру, ей пришлось делать клизмы двум морячкам береговой службы,

поступившим в госпиталь с диагнозом «острый аппендицит». Но, как выяснилось позже, они просто-напросто соскучились по сладкому, добрались до корней солодки, росшей под забором охраняемого ими объекта, – и вот результат.

Парни, схватившись за пижамные штаны, согласны были идти на гауптвахту, в дисбат, куда угодно, лишь бы не подставлять задницы молоденькой санитарке. И только угроза вызова старшей медсестры Нины Ивановны Кочубей дала возможность Наташе выполнить служебные обязанности.

Появление на горизонте гренадерского роста дамы, обладавшей к тому же зычным генеральским басом, приводило в священный трепет не только больных, но и выдавших всякое медсестер, а тем более санитарок. Даже врачи избегали с ней конфликтовать, изведав на собственном опыте ее крутой характер. Причем сама Нина Ивановна никогда в спор не вступала, но если находился смельчак, недостаточно осведомленный о порядках в хирургическом отделении, который пытался опротестовать ее решение, то уже через пару минут он выбрасывал белый флаг и спешно ретировался в безопасное место.

Однажды Наташа проводила влажную уборку в кабинете начальника отделения Якова Самойловича Лацкарта и случайно оказалась свидетельницей его разговора с лейтенантом медицинской службы, который опрометчиво решил пожаловаться на действия старшей медсестры. Оторвавшись на минуту от истории болезни, шеф хирургического отделения оглядел поверх очков долговязую фигуру жалобщика и недовольно хмыкнул:

– И кто же вас подтолкнул на столь смелые поступки?

– Товарищ подполковник, я думал... – смутился лейтенант, – в академии нас учили...

– Чему вас учили в академии, я знаю, – сухо сказал Лацкарт, – но здесь у нас свои академики. Старшую медсестру я знаю более тридцати лет. Она любого профессора за пояс заткнет, а вас тем более. Поэтому советую: найдите с ней общий язык, а не вступайте в контры. Уверяю, вам это пойдет на пользу.

Особой заботой грозной Кочубейши, как за глаза звал ее весь госпиталь, являлось моральное состояние вверенного ей коллектива медсестер, санитаров и санитарок. Всякие поползновения со стороны пациентов завести шашни с

медперсоналом пресекались ею уже в зародыше раз и навсегда. А самым ретивым сердцеедам грозила порой досрочная выписка, а то и рапорт на имя командира части.

Особенно она не любила девиц со смазливой внешностью и в конце концов добилась того, что средний медперсонал хирургии получил очень точное прозвище «конеферма». Поэтому появление в отделении новенькой молоденькой санитарки Наташи Ливановой стало настоящей сенсацией для всего госпиталя. И пусть ее приняли временно, на период летних отпусков, но для всех осталось загадкой, почему Кочубейша изменила своим принципам. Поговаривали, что она лично просила о Ливановой начальника госпиталя, и он сделал ей одолжение, хотя не желал брать людей со стороны.

Наташе выдали белый балахон, украшенный черными пятнами ляписа, отдаленно напоминавшими буквы Х.О. Балахон заменял ей сорочку и целомудренно закрывал ноги по самые щиколотки. Верхняя одежда новой санитарки состояла из старого сатинового халата, когда-то коричневого, но теперь мерзкого бурого цвета. Его поясок давно оторвался, и вместо него Наташа приспособила две полоски бинта. Этот скромный «наряд» дополняла марлевая косынка и растоптанные, размера на четыре больше шлепанцы, которые она постоянно теряла на лестнице. Вдобавок ко всему в ее арсенале имелись глубокие черные калоши и резиновые перчатки. В них Наташа наводила порядок в местах общего пользования.

В первый же рабочий день Нина Ивановна провела с ней строгий инструктаж по технике безопасности, в котором важное место отводилось тактике поведения с молодыми лейтенантами и бравыми матросиками срочной службы. Трагически закатив глаза, старшая медсестра поведала о горькой участи соблазненных под сенью хирургического отделения и покинутых жертв быстротечной любви. Впрочем, даже эти наставления и нелепый наряд не уберегли Наташу от попыток самых притких выздоравливающих закадрить новенькую санитарку. Но она быстро поняла, как отвадить навязчивых ухажеров, и зачастую ей хватало пары-другой словечек, которые мгновенно охлаждали пыл обитателей палат для младшего комсостава, в которых ей приходилось ежедневно наводить порядок.

Иногда, когда рабочий день Нины Ивановны подходил к концу и начиналось ночное дежурство Наташи, они выкраивали часок, чтобы почаевничать в маленьком закутке за ширмой в помещении для санобработки больных. Нине Ивановне спешить было некуда: кроме кота Тишки, дома ее никто не ждал.

Замуж выйти не получилось, на любовников по складу характера она не разменивалась, жила одиноко, как старая волчица, никого не допуская в свою душу и в свое жилище. Но, устав от одиночества, она неожиданно для себя всем сердцем потянулась к Наташе, внучке Анастасии Семеновны Гончар – своей первой школьной учительницы.

Месяц назад Нину Ивановну вызвали в приемное отделение, и навстречу ей поднялась высокая пожилая женщина в соломенной шляпке и темном платье с белым кружевным воротничком, в которой Кочубей не сразу признала Анастасию Семеновну. Только глаза старой учительницы, хоть и за стеклами очков, остались прежними: большими, необыкновенно яркого голубого цвета. Женщины обнялись, и фельдшер приемного отделения с удивлением заметил, что по щекам всегда невозмутимой Кочубейши скатилась пара слезинок. Затем они вышли на улицу, а минут через двадцать Нина Ивановна вернулась с девушкой лет восемнадцати и, взяв у фельдшера взаймы халат, провела ее к начальнику госпиталя.

Так в отделении появилась новая санитарка. И Нина Ивановна опекала ее еще и по той причине, что бабушка воспитывала Наташу одна и ее небольшой учительской пенсии и внучкиной стипендии едва хватало, чтобы свести концы с концами. Дочь Анастасии Семеновны Ольга и зять Константин, родители Наташи, работали в одной из африканских стран врачами-инфекционистами. Двенадцать лет назад во время вооруженной стычки между местными племенами они погибли. Наташа училась в ту пору в первом классе, она хорошо помнила, что у мамы была необыкновенно длинная русая коса, с которой пришлось расстаться перед поездкой на жаркий континент. Эта коса хранилась у бабушки. Несколько раз девочка видела, как та доставала ее из марлевого мешочка, гладила мягкие золотистые завитки и тихо плакала.

На фотографиях папа и мама были молоды и красивы и, несомненно, очень любили друг друга: на всех снимках они всегда были рядом. Причем папина рука обязательно обнимала мамины плечи, а счастье так и струилось из их глаз.

Нина Ивановна помнила Наташину маму девочкой, школьницей – в то время они жили на одной улице. Она ездила с работы на электричке, и так получалось, что в то же время Оля Гончар возвращалась из школы. Они встречались на дороге, ведущей со станции в село, и вместе шли домой. Замкнутая и строгая на работе, юная тогда Нина Ивановна словно вспоминала о своем возрасте и принималась бегать по осеннему лесу наперегонки со своей маленькой подружкой. Они

мастерили себе бусы и серьги из рябины, пели, иногда сплетничали о мальчиках из Олиного класса или о пациентах хирургического отделения военно-морского госпиталя.

Так получилось, что именно Оля, единственная в мире, узнала о безнадежной любви молоденькой медсестры к капитан-лейтенанту, тяжело раненному в схватке с нарушителями государственной границы. У капитана были жена и сын, и гордая медсестра не выдала себя ни словечком, ни взглядом. И только после его выписки выплакала всю свою боль десятилетней подруге.

- Ты понимаешь, - всхлипывала она, то и дело сморкаясь в платок, - уехал он на свои Курилы, а у меня даже его фотографии не осталось. И никогда я его больше не увижу...

Через два года фотография у Нины Ивановны появилась, но Оля про это уже не узнала. Нина Ивановна переехала во Владивосток, получила комнату в коммунальной квартире, а вскоре забрала к себе больную мать. Не узнала Оля и о том, что тогда медсестра Кочубей в первый и в последний раз в своей жизни совершила прогул и объяснять его причину категорически отказалась даже начальнику отделения. Но, судя по ее покрасневшим глазам и распухшему носу, в отделении догадались, что причина была серьезная, и прекратили расспросы. И действительно, весь предыдущий день Нина Ивановна прорыдала, впервые в жизни испытав подобные горе и отчаяние. Все эти годы в ее душе теплилась крошечная надежда на встречу с любимым, а теперь с ней пришлось распрощаться навсегда. И прощание это было нестерпимо горьким, а будущая жизнь казалась беспросветной и лишенной всякого смысла...

В газете тихоокеанских моряков она нашла не только фотографию любимого, но и очерк о том, как героические моряки-пограничники ценой своих жизней не дали уйти в нейтральные воды кораблю-шпиону. В очерке описывался бой и действия командира, того самого капитан-лейтенанта, ставшего уже капитаном третьего ранга, который так никогда и не узнал о тайной любви молоденькой медсестры. В этом бою он был тяжело ранен и умер по дороге в госпиталь.

Полностью весь очерк Нина Ивановна сумела прочитать лишь через три месяца, когда чуть поутихла боль. С тех пор истертая газета хранилась в шкатулке с самыми дорогими ее сердцу вещами: свадебной фотографией родителей, письмами отца с фронта и почетными грамотами, которые она неизменно получала к каждому празднику.

Мама Нины Ивановны умерла на следующий год после гибели любимого, и Нина осталась одна.

Наташа всем напоминала ей Олю – длинной русой косой, небольшим, чуть вздернутым носиком. Главное же – взгляд у них был одинаковый: смешливый, слегка лукавый, взгляд счастливого, всеми любимого ребенка. Как и у матери, глаза девушки могли менять цвет. В зависимости от настроения или погоды они были то нежно-голубыми, то темнели, становились фиолетовыми. Правда, Оля была невысокой, миниатюрной, а Наталья вымахала за метр семьдесят – ростом она пошла в отца. Отцовской же была и линия губ, полноватых, но резко и красиво очерченных.

Наблюдая исподтишка за девушкой, за тем, как она, насупив тоненькие брови, борется со шваброй и тяжелой тряпкой из старого байкового одеяла, Нина Ивановна вспоминала своего капитана. Сейчас она ругала себя, что не открылась ему. Разве не чувствовала она его особое расположение по тем взглядам, которые он бросал на нее, по мимолетным прикосновениям, улыбке?.. Но побоялась, не решилась, а так, гляди, родился бы от него сын или дочь... Сейчас уже и внуки могли бы появиться... Нина Ивановна вздыхала и отправлялась нести дальше свой тяжкий крест старшей медсестры.

Но по вечерам она расслаблялась, чувствовала себя вновь молодой, посиделки с Наташей чем-то неуловимо напоминали ей прежние разговоры с Олей. Конечно, Наташа была постарше, окончила уже второй курс Ленинградского мединститута, да и сама Нина Ивановна с приобретением житейского опыта на некоторые вопросы человеческого бытия смотрела теперь совершенно иначе, чем тридцать лет назад.

Из этих бесед Наташа поняла, что все ее романтические представления о будущей профессии и человеческих отношениях не выдерживают никакого сравнения с прозой жизни.

– Что ж, Нина Ивановна, по-вашему выходит, настоящей любви, о которой в книгах пишут, не бывает совсем? – начала очередную разговор Наташа, пододвигая к себе чашку с чаем. Перед этим Нина Ивановна сетовала на распущенность нравов в соседнем терапевтическом отделении, поэтому тема сегодняшних посиделок определилась как бы сама собой.

– Не знаю, девочка, что в книгах пишут, я про любовь не читаю, не до того мне. – Нина Ивановна затянулась «Беломором», задумчиво оглядела Наташу и вздохнула. – Просто думаю, что в прошлом, когда этим князьям и графьям не приходилось работать за кусок хлеба, они от скуки напридумывали себе развлечений – любовь, охи-ахи под луной, серенады, романсы, дуэли... Забавлялись кто во что горазд! А сейчас молодые поженятся вроде по горячей любви, а через год-два, смотришь, развелись. А почему, спрашивается? А потому! Квартиры нет, зарплата – кот наплакал, а тут еще дети пошли. Пеленки, болезни, крик по ночам... – Она с досадой бросила окурок в блюдечко, заменявшее пепельницу. – Ты только посмотри, в кого превращается наша баба к сорока. Ее и женщиной-то назвать язык не поворачивается. Замотанная жизнью, замордованная. После работы домой прибежит – ужин, постирушки, детям с уроками помочь надо... Хорошо, если еще мужик непьющий да работающий, но это же редкость! – Нина Ивановна подлила себе чайку, шумно прихлебнула из чашки. – Только послушай, о чем мои девки судачат. Да о любви как раз ни словечка, а больше о том, где что купили, что на ужин приготовили, какие туфли в военторге выбросили. – Она взглянула на Наташу, улыбнулась. – Конечно, ты девушка красивая, но запомни: у красивых гораздо больше соблазнов в жизни и большой риск оказаться несчастной. Не теряй голову от первой же смазливой мужской физиономии, разберись, что у него за душой, убедись, что мозги не в зачаточном состоянии.

Наташа потрянула головой и рассмеялась:

– Вы мою подругу Соню не слышали... У нее уже сейчас все по полочкам разложено. Пять лет – на институт, пять – на диссертацию. И в этом графике мужчин не предусмотрено. «У меня, – говорит, – принцип такой: мужчина – первейшая помеха для достижения жизненного успеха. Только стоит расслабиться, как он тут же, точно вирус поганый, в твою жизнь вползет, и никакими антибиотиками его не вытравишь».

– Ох и дура девка твоя подружка! – проворчала Нина Ивановна, отодвигая чайную чашку. – А дети у нее в графике предусмотрены? Или она их в пробирке собирает выращивать?

– Нет, у нее это тоже запланировано, и, по-моему, где-то на стыке с третьей пятилеткой. Причем Соня составила что-то вроде фоторобота будущего отца своих детей – идеального по форме и содержанию, без отклонений в сторону вредных привычек. «Пусть, – говорит, – я рожу не гения, но зато мой ребенок не

будет страдать от дурной наследственности».

Нина Ивановна озадаченно хмыкнула и покачала головой:

- И для этого надо ждать пятнадцать лет?

- Нет, она согласна выбиться из графика, если появится на горизонте подходящая кандидатура. В прошлом году познакомилась она с одним типом. Симпатичный здоровый парень, и по всем другим статьям вроде подходил, учился в политехническом. Домой его пригласила с родичами познакомить, а он от волнения, видимо, ногти стал грызть. И эта малахольная тут же сделала ему ручкой. Сколько я тогда ее уговаривала! Ведь кому сказать, неделю хохотать будут и не поверят, по какой причине парню дали от ворот поворот. Нет, уперлась, презрительно на меня посмотрела и говорит: «Если надо – уступлю, а лично у меня другие планы. Я знаю, куда потратить свое время с гораздо большей пользой, чем ликвидация чьих-то вредных привычек!» Вот такая у нее жизненная установка!

- А родители что ж? Отец, мать? Или это у них в семье так ведется – к людям придирааться?

- Кто у нее отец, я не знаю, – пожала плечами Наташа, – Евгения Михайловна, Сонькина мама, по-моему, никогда замуж не выходила. С ними в квартире еще две тетушки живут, так они точно старые девы.

- О чем тогда говорить? – покачала головой Нина Ивановна. – Того гляди твоя подружка тоже останется на бобах, если станет разбрасываться мужиками.

- Нина Ивановна, – Наташа погладила ее по руке и заглянула в глаза, – вы не рассердитесь, если я спрошу?..

- Почему я сама замуж не вышла? – подхватила Нина Ивановна. – Что ж теперь сердиться, когда жизнь под горку покатила? – Она взяла из пачки новую папиросу, закурила. – И скрывать нечего. Очень я одного моряка любила, ни на кого смотреть не могла. Он у нас в отделении лежал. Я его, можно сказать, после ранения и выходила. Жена у него где-то на Курилах осталась, с малышом на руках. Ухаживать за мужем она, естественно, не могла приехать. А мужики ведь если заболеют, то больше, чем дети, к себе внимания и заботы требуют.

Вот и кажется им в этот момент: лучшей женщины, чем медсестра, и на свете нет. Вешают девкам лапшу на уши, а те, дурехи, не понимают, что они видят в них прежде всего мамку или няньку. Только на такую любовь их и хватает, а выйдут за ворота – ищи их, свищи! Там у них другая жизнь, другая любовь, а та, что в госпитале, исчезает, как с белых яблонь дым.

– Выходит, и ваш...

– Нет, у нас все по-другому было. Он и не подозревал, что нравился мне. Совестно мне было перед его женой, вроде как я чужим горем хотела воспользоваться... – Нина Ивановна тщательно прочистила нос в большой мужской носовой платок, деловито оглядела стол. – Я тут приберу, а ты зайди в десятую палату. Там сегодня новенький поступил, лейтенант. Огнестрельное ранение. Должен скоро в себя прийти после операции. Сестры на инъекциях, а ты сходи, посмотри, может, нужно что?

Глава 2

По пути в десятую палату Наташа заглянула в процедурную. Одна из сестер что-то записывала, другая готовила набор шприцев для обхода палат с тяжелобольными.

Наташа вынесла ведро с мусором. Зашла в ординаторскую, очистила от окурков пепельницу, полила цветы на подоконнике. Потом ее окликнули из пятой палаты, и она помчалась со всех ног выносить судно в туалет.

В десятой палате Наташа появилась только через час, по непонятной причине все оттягивая и оттягивая этот визит.

...Сегодня Наташа заступила на дежурство часа на три раньше, чем обычно, – подменила свою коллегу тетю Катю, у которой тяжело болела внучка. Помогая подавальщице из столовой развозить полдник лежащим больным, она уступила дорогу каталке, на которой из операционной везли молодого мужчину. Дюжие санитары из матросов срочной службы быстро вкатили ее в десятую палату. Операционная сестра, придерживая над больным капельницу, едва поспевала за

ними. Наташа не успела разглядеть лица больного, но то, что на каталке этот человек умещался с трудом, заметила. Простыни хватило, только чтобы прикрыть его по грудь. Обнаженные широкие плечи и мощная шея говорили о том, что под белой тканью скрывается сильное, хорошо тренированное тело.

Наташе хотелось помочь, но она понимала, что в тесной палате люди, хлопочущие сейчас вокруг больного, только рассердятся, если она вздумает путаться под ногами...

Постепенно сумятица повседневных дел и обязанностей закрутила Наташу, затем Нина Ивановна пришла пить чай, но санитарка все время ловила себя на мысли, что ей очень хочется заглянуть в десятую. Однако какая-то странная боязнь мешала ей переступить порог этой палаты. За месяц работы Наташа уже успела наглядеться и на раненых офицеров, и на матросов. Привыкла спокойно обмывать тяжелобольных, помогала им справляться с уткой и судном, без смущения взирала на мужское тело. Но сейчас почти с содроганием думала о том, что подобные процедуры предстоит проделывать с тем лейтенантом...

Наконец она переступила порог этой палаты. В полутьме горел лишь синий ночник над кроватью новенького. Тишину нарушал негромкий храп мичмана Гаврюшина, сутки назад прооперированного по поводу аппендицита. Еще две кровати пустовали – по телевизору показывали футбол, и все ходячие больные собрались в столовой перед экраном. В палате Наташа недосчиталась двух стульев. «Вот прохиндеи! – выругалась она про себя. – Сколько раз надо говорить, что нельзя ничего выносить из палаты!»

Девушка вздохнула. Она знала, что утром ей самой придется расставлять стулья по местам. Унести их в столовую больные могут, а назад, видите ли, нет – они хворые, еле живые, и стул для них непомерная тяжесть.

Ну ничего! Кончится футбол, она специально встанет на выходе из столовой, и нарушителям достанется от нее по полной программе.

Наташа на цыпочках подошла к кровати у окна. В синем свете ночника лицо офицера казалось смертельно бледным, губы запеклись, под глазами залегли черные тени. Несмотря на заросший густой темной щетиной подбородок, он выглядел не старше тридцати. Страдания обострили его черты, казалось, состарив на несколько лет.

Она подошла ближе, поправила одеяло, свесившееся почти до пола. Потрогала ладонью лоб. Жара она не почувствовала, но лоб был влажным от пота. Наташа внимательнее вгляделась в бледное лицо, и сердце ее вдруг замерло, а потом затрепетало где-то в животе.

Лейтенант оказался очень симпатичным. Его не портили даже впалые щеки и темные круги под глазами. И хотя он оброс щетиной, а короткие волосы на голове слиплись от пота, все же он был из тех, на кого женщины обращают внимание с первого взгляда. Густые черные брови, четкая линия губ, твердые очертания подбородка и крепкий, почти правильной формы нос... Наташа судорожно сглотнула, бросила быстрый взгляд по сторонам и снова стала вглядываться в лицо так взволновавшего ее человека. Нет, она не ошиблась, перед ней в забытьи лежал герой ее ночных сновидений, предел девичьих мечтаний, настоящий принц из сказки. По крайней мере, именно таким она его себе представляла. И вот он здесь, в палате номер десять, в плену наркотического сна, и никто не в состоянии помочь ему, кроме нее самой.

Наташа протянула руку, кончиками пальцев коснулась легонько колючей щеки и тут же испуганно отдернула руку – странное и непривычное чувство заставило ее вздрогнуть, а сердце забиться еще сильнее.

На своей кровати заворочался Гаврюшин, приподнял голову:

– Это ты, Наташа? Парень давеча пить просил, но я побоялся дать, вдруг что случится!

– Правильно, пить ему пока нельзя, – подтвердила Наташа и добавила: – Разве только губы смочить...

– А то смотри! Мне сегодня супруга морсу принесла, нужно будет, возьми в холодильнике, – предложил Гаврюшин.

– Спасибо, но морс ему тоже пока нельзя, – ответила Наташа.

Она обмакнула ватку в стакан с водой, обвела покрывшиеся корочкой губы больного, и он тут же облегченно вздохнул. Наташе даже показалось, что сведенный болью рот приоткрылся в легкой улыбке. Тогда она намочила край полотенца и протерла его лицо влажной тканью, а потом не удержалась и

осторожно ладошкой погладила колючую щеку.

Глаза раненого открылись. Некоторое время он продирался сквозь обволакивающую мозг паутину беспамятства, пытаясь понять, где он и что с ним случилось. Затем мутный еще взгляд остановился на женском лице.

Офицер с трудом выпростал руку из-под одеяла, медленно поднял и прижал ее к Наташиной ладони, все еще касавшейся его щеки.

- Так лучше! - прошептал он еле слышно и опять закрыл глаза.

Наташа склонилась ниже: кажется, моряк приходил в себя после наркоза. Дыхание стало спокойнее, но лицо оставалось бледным, почти белым в свете синей лампочки. Наташа свободной рукой вновь смочила ватку, провела ею по сухим губам лейтенанта, отжала несколько капель ему в рот и услышала слабое «Спасибо!». Девушка нагнулась к его лицу и с трудом разобрала: «Не убирайте руку!»

Наташа беспомощно посмотрела на Гаврюшина:

- Как-то нужно предупредить сестру о том, что он пришел в себя, - и вновь склонилась к больному. Он лежал спокойно, с закрытыми глазами. Наташа попробовала отнять ладонь, но офицер тут же открыл глаза, и легкая улыбка тронула запекшиеся губы.

- Не уходите, пожалуйста!

Наташа растерянно пожала плечами. Гаврюшин наблюдал за ними сквозь железные прутья спинки кровати. Заметив ее нерешительность, улыбнулся:

- Ты только посмотри, какой шустряк объявился! Еще очухаться как следует не успел, а уже девчонку подцепил!

Наташа смутилась, и мичман тут же извинился:

- Прости, Наташенька, я ведь шучу. Ты посиди пока с ним, может, действительно быстрее в себя придет. А я уж как-нибудь доберусь до поста, вызову сестру.

Он, кряхтя, спустил ноги с кровати и, придерживая левой рукой прооперированный живот, собрался встать.

– Что вы, что вы, – испугалась девушка, – никуда не надо ходить. Нажмите только кнопку экстренного вызова над своей кроватью.

Через минуту прибежала дежурная медсестра Лидия Яковлевна. Завидев санитарку, как ей показалось, без дела сидевшую у постели больного, рассердилась:

– Ты что ж, Наталья, не можешь на ноги встать и меня позвать? Кнопки и я нажимать умею! – Медсестра склонилась над молодым человеком и ласково произнесла: – Ну вот и хорошо, Игорь! Молодчина! – Тут она увидела, что больной сжимает Наташину руку, строго на нее посмотрела и вновь обратилась к пациенту: – А девчонку отпусти. У нее своей работы невпроворот! – Отвела его руку, положила поверх одеяла. – Сейчас Семен Семеныч, хирург, тебя посмотрит, потом я сделаю укол, и будешь баиньки до самого утра. Ты еще здесь? – обернулась она к Наташе. – А ну-ка, скажи в ординаторскую, зови Герасимова. Скажи, Карташов в себя после наркоза пришел.

Наташа пулей вылетела из палаты.

Через час, покончив со всеми делами, она осторожно приблизилась к дежурной сестре, готовившейся к вечерней раздаче лекарств:

– Лидия Яковлевна, можно я вам помогу?

– Помоги. – Та искоса посмотрела на нее и усмехнулась: – Успела разглядеть, какого здоровяка к нам положили?

– Да, парень, сразу видно, крепкий, – согласилась Наташа и робко поинтересовалась: – А что с ним случилось?

Не поднимая глаз, она раскладывала таблетки в маленькие пластмассовые стаканчики, то и дело сверяясь с листком предписаний для каждого больного.

Лидия Яковлевна поджала губы:

– Думаешь, нам много объясняют, когда таких орлов с пулевыми ранениями привозят? Видимо, опять на границе контрабандистов или шпионов ловили. Кто их знает? Но парню бок час зашивали, если не больше. К счастью, Герасимов говорит, пуля дальше не пошла, застряла в ребрах. – Медсестра язвительно улыбнулась, глядя на санитарку. – Он ведь Семен Семеныча просил, чтобы ты к нему вернулась...

Не дослушав, Наташа метнулась к палате, моментально забыв и про таблетки, и про обещание медсестре разнести их по палатам. Лидия Яковлевна засмеялась:

– Остановись, ракета! Сейчас твой Карташов спит сном младенца, а вот утром надо будет его умыть и переодеть в чистую рубаху. Герасимов сказал, что сам контр-адмирал звонил, спрашивал о его самочувствии. Выходит, не простой он лейтенант, как ты считаешь?

– Наверно, не простой, – согласилась с ней Наташа, вздохнув: исчез повод немедленно увидеть этого непростого лейтенанта.

Тут из столовой потянулись больные, и девушка бросилась им наперерез, приказав вернуть стулья в палаты. Затем Наташа вновь принялась помогать Лидии Яковлевне.

Наконец медсестра, проверив все предписания, разрешила Наташе раздавать лекарства, сама же подошла к трезвонившему телефону. И тут Наташа с изумлением отметила, как в долю секунды вытянулось и побагровело ее лицо. Лидия Яковлевна как-то вся вытянулась и, особо бережно прижимая трубку к уху, отвечала кому-то необыкновенно звонким для вечернего времени голосом. Девушка поняла: звонит кто-то из начальства. И в подтверждение ее догадки дежурная медсестра, положив трубку, перевела дух и на рысях кинулась в ординаторскую. Через минуту она вернулась с дежурным хирургом, тем самым Семеном Семеновичем Герасимовым. Рыжеватый санитар из операционной вывез каталку для тяжелобольных, и вся компания поспешила в десятую палату. Через секунду оттуда выглянула Лидия Яковлевна и скомандовала Наташе:

– Живо открой первую палату и приготовь там постель.

– Кого-то переводят? – попыталась узнать девушка, но та махнула рукой и вернулась назад.

Первую палату на Наташиной памяти ни разу не открывали – она предназначалась для персон из высшего командования. Девушка приготовила постель, на всякий случай вымыла пол, открыла форточку и включила небольшой вентилятор: в комнате было душновато.

Вскоре по коридору загрохотала каталка, и в палату ввезли Игоря Карташова. Он не проснулся и не знал, какой удостоился чести – лежать в отдельной палате со всеми удобствами в виде туалета и ванной комнаты.

Больного переложили на кровать. Герасимов посчитал пульс, удовлетворенно кивнул Лидии Яковлевне. Потом, откинув одеяло, тщательно осмотрел повязку, охватывавшую тело молодого человека от сосков до бедер. Оглянувшись на Наташу, движением руки подозвал ее:

– У тебя в каптерке найдется что-нибудь приличнее, чтобы переодеть нашего добра молодца? Этак на пару размеров больше нынешнего безобразия. – Он окинул критическим взглядом пижамные штаны, едва доходившие до середины икр пациента.

– Постараюсь найти. Мне на всякий случай оставляют несколько комплектов для вновь поступивших.

– Ну и лады. – Хирург посмотрел на санитаря: – Петров поможет тебе его переодеть. Да, постой, – остановил он рванувшую к порогу санитарку. – Чем ты его успела приворожить? Давеча требовал, чтобы именно ты сидела рядом с ним. Так что при случае заглядывай к нему, раз приглянулась!

– Хорошо, – прошептала Наташа.

Вместе с рыжим Петровым они, намучившись с тяжелым, почти неподвижным телом, с трудом переодели Карташова в более просторное новое белье, удивляясь, почему этим нельзя заняться завтра, когда больной придет в себя.

Вскоре санитар ушел, а Наташа присела на стул рядом с кроватью больного. В этой палате ночник светил приятным зеленоватым светом.

Лицо раненого лейтенанта странно притягивало ее. И Наташа некоторое время завороченно смотрела на него, не понимая, что с ней происходит. К примеру, она вдруг поймала себя на мысли, что ей очень хочется узнать, какого цвета у него глаза. Если судить по цвету волос, должны быть карими, вернее, черными... Она вздохнула: зачем ей это? И все же она сидела рядом с ним как приклеенная. Хотя у нее было оправдание: сам Герасимов попросил ее присматривать за прооперированным моряком. Ночные тени легли на его скулы и ввалившиеся щеки, отросшая щетина подчеркивала неестественную белизну лба, чернели провалы глазниц. Каждая черточка лица спавшего тяжелым сном лейтенанта кричала о страданиях, которые ему пришлось пережить несколько часов назад. Но тем не менее весь его облик говорил о том, что он человек незаурядный, сильный и вместе с тем очень привлекательный и желанный для женщин.

Девушка испугалась своего открытия и невольно отодвинулась от кровати. Не существовало еще на свете мужчины, глядя на губы которого ей вдруг захотелось бы, чтобы ее поцеловали. Но сейчас с неудержимой силой ее влекло желание припасть к этим губам в поцелуе, почувствовать исходящий от них жар, взять на себя хотя бы малую частицу сковавшей их боли. Наташу тянуло коснуться его щеки, рук, лежавших поверх одеяла, однако она не решалась, боялась потревожить его. Карташов спал под действием лекарств, но сон этот был тревожным и беспокойным. Набухшие вены на кистях рук, длинные сильные пальцы, которые время от времени судорожно комкали одеяло и тут же расслабленно разжимались, – все говорило о том, что приступы боли продолжают беспокоить раненого даже после введения обезболивающих средств.

Наташа в последний раз окинула взглядом лицо молодого человека, вздохнула и поднялась со стула. К сожалению, она не могла всю ночь провести только у его постели.

Но дежурство на этот раз выдалось спокойное, и она время от времени заглядывала в палату новенького. Под утро вслед за ней вошел Герасимов, постоял около кровати, всматриваясь в лицо раненого, молча отошел и уже на пороге повернулся к санитарке:

– Наташа, сумеешь побрить Карташова, когда он полностью придет в себя?

Та смутилась и пожала плечами:

– Честно сказать, ни разу в жизни не пробовала...

– Ну что ж, попросим Петрова задержаться на дежурстве. Он в этом деле мастер, а ты поможешь ему, поучишься мужскую красоту наводить. Только запомни: поднимать Карташова и с боку на бок переворачивать пока нельзя. Может кровотечение открыться.

– Тогда не лучше ли дождаться, когда ему легче станет?

– Милая моя девочка, думаешь, я не знаю, что лучше, а что хуже? Но только это приказ контр-адмирала, а его приказы, знаешь, не обсуждаются! Утром нашего Карташова высокие гости собираются навестить, и негоже им лицезреть подобную пиратскую физиономию. В небритом состоянии он больше на разбойника смахивает, чем на доблестного советского офицера, ты не находишь?

Наташа рассмеялась, а Герасимов окинул ее оценивающим взглядом, прищурился:

– Послушай, хочу спросить, что, в отделении попримичнее халата для тебя не нашлось? Такая красивая девочка, а выглядишь как чучело. Я подозреваю, что это Нина, старая чертовка, специально так тебя вырядила! Все боится, что мужики себе шейные позвонки ненароком свернут. – Он развел руками, усмехнулся и уже серьезно посмотрел на санитарку. – Завтра пойдешь к ней и скажешь, что я приказал выдать тебе новый халат и нормальные тапочки вместо этих мокроступов. – Он весело рассмеялся. – В первый раз, когда я тебя в них увидел, подумал, что ты в лапах по коридору шлепаешь.

Продолжая тихо посмеиваться, врач пропустил вперед Наташу и вышел вслед за ней в коридор. Девушка осторожно прикрыла дверь, а Герасимов, кивнув в сторону палаты, прошептал:

– Помяни мое слово, девочка, ох и хлебнем мы еще лиха с этим лейтенантом! Что-то слишком много вокруг его особы возни!

Ссутулившись и устало шаркая ногами, хирург направился в ординаторскую.

Только под утро Наташа смогла прикорнуть часок на своей кушетке. Казалось, лишь минуту назад опустила она голову на подушку, а уже Лидия Яковлевна сердито тормозит ее:

– Вставай, вставай, мужики всю «рынду» бьют, судна требуют.

Наташа вскочила на ноги, быстро ополоснула лицо под краном и выбежала в коридор. Над сестринским постом непрерывно мигала лампочка экстренного вызова, «рында» на местном жаргоне. Лидия Яковлевна отключила звонок, чтобы резкий сигнал не тревожил остальных больных. Срочный вызов шел из пятой палаты, и Наташа вздохнула: опять Федорчуку приспичило.

На Федорчука ей пришлось потратить минут двадцать. Обычные утренние процедуры пришлось провести еще в трех палатах, затем Наташа упростила Лидию Яковлевну, и та позволила ей сделать внутримышечные инъекции нескольким тяжелобольным, после этого она развезла по палатам лекарства.

Потом дошла очередь и до первой палаты... Наташа осторожно открыла дверь. В помещении, кроме Лидии Яковлевны, находились Герасимов и Лацкарт. Они осматривали лейтенанта. Похоже, раненый еще не совсем отошел от наркоза, на вопросы врачей отвечал с трудом, едва слышно, но уже улыбался в ответ на шутки Якова Самойловича. По обыкновению, тот балагурил не переставая. Но то, как старый доктор порой настороженно поглядывал на Герасимова, подсказало Наташе, что начальник отделения не совсем доволен состоянием прооперированного.

Наконец он отошел от кровати и что-то тихо произнес по-латыни – что именно, Наташа не успела разобрать.

Герасимов кивнул и вышел из палаты. На пороге остановился и с недоумением уставился на Наташу и рыжего Петрова, застывших за дверью с бритвой и помазком в руках.

– Что вам, голубчики, нужно?

– Вы же сами, Семен Семенович, приказали побрить Карташова. – Наташа посмотрела на него с недоумением.

– Отставить пока! Сейчас его нельзя беспокоить.

– Что с ним? Ему хуже? – Наташа ткнула в руки Петрова бритвенный станок и шагнула в палату.

Герасимов посмотрел на ее побледневшее лицо, озадаченно хмыкнул:

– Когда у тебя заканчивается дежурство?

– Через час, – прошептала она еле слышно, не решаясь посмотреть в сторону лейтенанта.

Лацкерт, повернувшись, внимательно оглядел санитарку с ног до головы.

– Очень устала? – спросил он мягко, и Наташа от этого неожиданного в устах начальника отделения вопроса растерялась окончательно.

Яков Самойлович, не дожидаясь ответа, показал ей на стул:

– Присядь, Наталья, мне надо серьезно с тобой поговорить. – Он хмыкнул и смерил ее взглядом. – Видишь ли, этому молодцу требуется постоянный уход. Сиделок у нас, сама знаешь, не положено. Медсестры – каждая на полторы ставки работает, а ты у нас почти готовый врач, все-таки два года мединститута...

– Я не пойму, что вы от меня хотите, Яков Самойлович. Я и так за каждым больным ухаживаю.

– Хорошо, давай пройдем в ординаторскую, и я тебе объясню все более популярно. – Лацкерт тяжело вздохнул и кивнул матросу: – Петров, я тебя очень прошу, пока я с юной леди буду беседовать, помоги Карташову справиться все, что полагается. Только осторожнее, а то тебе бы камни ворочать, а не больным горшок подставлять!

В ординаторской заведующий отделением сел у открытого окна, достал портсигар и закурил папиросу. Потом повернулся к Наташе:

- Надеюсь, тебе не стоит объяснять, что этот лейтенантик у нас на особом положении. И не только потому, что командование требует создать ему надлежащие условия, но и по его состоянию. Честно сказать, я и сам поражаюсь, как после такого ранения он сумел до корабля доплыть... - Поняв, что сказал лишнее, Лацкарт замолчал и, глубоко затянувшись, пристально посмотрел на Наташу. - Ты комсомолка?

- В школе была комсомолкой, а теперь какое это имеет значение?

- Такое! Я надеюсь, ты согласишься ухаживать за Карташовым.

Наташа пожала плечами, почти не удивившись подобному предложению:

- Я согласна, но через месяц я должна уехать в Ленинград. У меня каникулы заканчиваются.

- За месяц мы тебе замену подыщем, а может, еще и не понадобится...

- Как - не понадобится? - испугалась Наташа. - Вы считаете его безнадежным?

Лацкарт засмеялся:

- Похоже, ты тоже запала на него? Ты-то в здравом уме, это он без памяти, но туда же! Только глаза открыл - уже твердит, где, мол, эта девочка с косой? Ты у нас месяц работаешь, а я и не заметил, что у тебя коса до пояса...

- И чем конкретно я буду заниматься? - посмела перебить своего начальника Наташа. - Вы думаете, я справлюсь?

- Вполне, вполне! Не велика наука! - Лацкарт, кряхтя, поднялся со стула и похлопал ее по плечу, потом посмотрел на часы. - Через полчаса тут один товарищ появится. Он тебе обстоятельно доложит все, что касается их дел. С нашей же стороны от тебя всего-навсего и требуется неотлучно находиться в палате, наблюдать за его состоянием, поить, кормить, помогать умываться и так

далее. На первых порах тебе помогут матросы-санитары. Перевязку ему тоже будут делать прямо в палате. Все вопросы, если возникнут, решай только с Ниной Ивановной. – И, скривившись точно так же, как несколько часов назад Герасимов, сказал: – Ради бога, сними этот чудовищный халат! Нина Ивановна должна подобрать что-нибудь более подходящее. Да, чуть не забыл, – Яков Самойлович подошел к столу, заглянул в какую-то бумагу, – я тут уже приказ набросал. Переводим тебя медсестрой по уходу за тяжелобольным. Оплата в расчете полутора ставок устроит?

– Конечно! – Наташа радостно улыбнулась, мигом подсчитав в уме, что сумеет заработать на зимние сапоги. И только за дверь она поняла, что в принципе никто сильно не интересовался ее согласием. Приказ Лацкарт, известный в госпитале хитрец, заготовил заранее, и ее просто-напросто поставили перед свершившимся фактом.

Глава 3

Наташа прошла в кабинет к Нине Ивановне, немного побаиваясь ее реакции на происходящие события. Но та встретила девушку спокойно. Еще раз проинструктировала по поводу ее обязанностей, добавив, что первое время, пока больной будет находиться на постельном режиме, Наташе придется ночевать в его палате.

– Поставим еще одну кровать, за ширмочкой. Как ухаживать за больным, не мне тебя учить. Следи, чтобы сух да сыт был, а остальное – по ходу дела. А пока переоденься. – Она подала Наташе новый белый халат и шапочку. – Сейчас звонили, кто-то из его командиров с тобой беседовать желает. Я выйду, пока вы будете разговаривать. – Нина Ивановна внимательно посмотрела на Наташу. – Об одном умоляю: помни, о чем я всегда тебе говорила. Парень он не простой, не нашего поля ягода, и ясно, что из той породы, кто головы девкам кружит без особых усилий. Не забивай мозги всякими глупостями, тебе еще институт окончить надо. Ну а если приставать надумает, сразу мне сообщай. – Она нахмурилась. – Я не посмотрю, что герой и в адмиральских любимчиках ходит, живо все вывихи вправлю!

– Нина Ивановна, – рассмеялась Наташа, – он еще в себя не пришел, а вы уже мрачные прогнозы строите!

– Прийти не пришел, а уже успел разглядеть! – Нина Ивановна с досадой махнула рукой. – Говорила же Лацкарту, чтобы вместо тебя Лидию Яковлевну или сестру пенсионного возраста к лейтенанту приставил. Нет, руками машет, ругается, дескать, где им замену сыскать в самый разгар отпусков! А ты, значит, лучший вариант. – Она вздохнула и, будто маленькую, погладила Наташу по голове. – Ладно, переодевайся, а я пойду проверю, что на посту делается.

Нина Ивановна вышла из кабинета. И только-только Наташа успела переодеться, как в дверь вежливо постучали.

– Войдите. – Наташа перекинула косу за спину, пожалев, что не успела заколоть ее в более солидный узел.

– Здравия желаю! – На пороге возник высокий плотный мужчина лет сорока в форме морского офицера и, приложив руку к козырьку фуражки, представился: – Капитан второго ранга Сивцов.

Затем, окинув Наташу быстрым пристальным взглядом, он, не дожидаясь приглашения, по-хозяйски прошел в глубь кабинета и устроился за столом старшей медсестры.

– Присаживайтесь, – предложил он, заметив, что девушка нерешительно держится за спинку стула. Затем достал тоненькую картонную папку, заглянул в нее, поднял на Наташу глаза и приветливо улыбнулся. – Я не ошибаюсь? Вы – Наталья Константиновна Ливанова, семьдесят первого года рождения, русская, студентка третьего курса хирургического факультета Ленинградского медицинского института. Все верно?

– Верно. – Наташа села на стул, сложила руки на коленях и почувствовала, что пальцы слегка подрагивают от волнения. – Что вас интересует?

Сивцов в недоумении посмотрел на нее:

– Вы разве не в курсе, по какому ведомству теперь проходите?

Наташа пожала плечами:

– Честно сказать, меня это не особо волнует. Я знаю свои обязанности и думаю, что смогу с ними справиться.

Сивцов осуждающе покачал головой:

– К сожалению, вы слишком молоды и, наверное, не до конца осознали важность момента. Сказать всего не могу, но старший лейтенант Карташов выполнял специальное задание, и поэтому мы не можем позволить, чтобы он находился в общей палате вплоть до выздоровления. Кроме того, весьма желательно, чтобы он скорее встал на ноги. А это возможно только при индивидуальном уходе.

– Почему бы вам не пригласить кого-то из его близких, чтобы ухаживали за ним? Тут же важен психологический настрой.

– Я с вами вполне согласен, но Карташов категорически запретил сообщать матери о его ранении, а других близких людей у него пока нет. Кроме друзей, разумеется. Но, увы, у них есть свои должностные обязанности. – Кавторанг придвинулся ближе, положил широкую ладонь поверх ее руки. – Девочка, поймите меня правильно. От вас очень многое зависит. Ранение он получил тяжелое. Положение усугубило то, что он долгое время пробыл в воде, потерял много крови... Вполне возможны осложнения, если не повторная операция, не одно переливание крови... Человек он физически крепкий, и ваш Лацкарт надеется, что все сложится наилучшим образом. Но всякое может случиться, поэтому я прошу вас находиться при нем неотлучно, ухаживать так, как вы ухаживали бы за собственным братом или любимым человеком. Да он и сам этого хочет, говорит, что ваши руки снимают боль...

Наташа покраснела:

– Да я всего-то раз до его щеки дотронулась...

Сивцов опять улыбнулся, и Наташа успокоилась. Улыбка преобразила ее собеседника, сразу утратившего прежнюю строгость и сухость. Даже глаза, невыразительные и поначалу смотревшие сквозь нее, потеплели, а взгляд смягчился.

– Вы вспомнили про психологический настрой. Думаю, при постоянном общении с красивой девушкой он и сам не пожелает слишком долго валяться в постели.

– Но я уже говорила, что смогу ухаживать за ним самое позднее только до середины августа. С первого сентября начинаются занятия в институте.

– Если понадобится, мы все вопросы, конечно, уладим. Пока же не будем загадывать наперед, согласны?

Наташа кивнула, а Сивцов открыл папку и достал листок бумаги с машинописным текстом.

– Ознакомьтесь, пожалуйста, с этим документом. Это подписка о неразглашении, проще говоря, вы не должны рассказывать кому-либо о том, что увидите или услышите в своей палате. Конечно, это обычная формальность, и все же не стоит болтать, чем вы занимаетесь на самом деле. Для всех родных и друзей вы по-прежнему работаете санитаркой.

«Ух, какие нежности при нашей бедности!» – подумала про себя Наташа. Но озвучивать свои мысли не стала.

Прочитав бумагу, она молча ее подписала и вернула кавторангу. Он аккуратно вложил документ в папочку и вдруг хитро подмигнул Наташе:

– Ну, вот и нормалек! Можете заступать на службу, Наталья Константиновна!

– Простите, – Наташа встала со стула, – но сначала мне нужно съездить домой, предупредить бабушку, кое-что взять из одежды.

– Сколько вам на это понадобится?

– Завтра в восемь утра я буду здесь.

– Хорошо, только сейчас нужно решить вопрос о вашей временной замене...

– Не беспокойтесь, я сама поговорю с Ниной Ивановной, она сумеет найти кого-нибудь.

Но, как ни странно, Нина Ивановна решила в ее отсутствие сама присмотреть за Игорем Карташовым. Выслушав Наташу, она махнула рукой.

– Поезжай, пригляжу за ним не хуже тебя! Чему-то и нас учили в свое время!..

До электрички оставалось еще более часа времени, и Наташа решила напоследок забежать в первую палату. Лейтенанта все-таки побрили, и девушка отметила, что без щетины он выглядит намного моложе, но по-прежнему лежит с закрытыми глазами. Правая рука раненого была притянута бинтами к раме кровати, а процедурная медсестра копошилась рядом, устанавливая капельницу.

– Как он, Катя? – спросила ее Наташа.

Женщина неопределенно пожала плечами:

– Только что плановый обход прошел. Опять его смотрели.

Больной вдруг открыл глаза, и Наташа прикусила губу. Против ее ожиданий, они оказались не карими, а глубокого серого цвета. На фоне загорелого лица, обрамленного черными волосами, они напомнили ей льдинки, готовые вот-вот растаять. Увидев эти глаза, Наташа поняла, насколько беззащитен сейчас перед болью этот сильный и мужественный человек. Ее сердце сжалось: неужели он не перенесет страданий?

Раненый с трудом повернул голову, посмотрел на медсестру, потом перевел взгляд на Наташу. Губы его шевельнулись, едва слышно он произнес:

– Вы кто?

– Наташа, ваша сиделка. С завтрашнего дня начну ухаживать за вами...

Карташов слабо шевельнул рукой, словно подзывая ее ближе. Наташа подошла и склонилась над ним.

– Обычно я ухаживаю за девушками. – Каждое слово давалось ему с трудом, но он уже пытался шутить, и Наташа обрадовалась: значит, ему стало легче.

Она погладила его по руке и тоже отшутилась.

– Это не за горами, – улыбнулась она, – скоро не просто ухаживать, а танцевать будете с девушками. А пока придется слушаться меня.

– Есть, товарищ адмирал! – Раненый попытался поднести руку к виску, но сил не хватило, и рука обессиленно упала на одеяло. – О, черт! – Он виновато глянул на свою сиделку. – Не думал, что у меня появится нянька...

Отрегулировав поступление лекарства из капельницы, Екатерина вышла из палаты, а Игорь показал Наташе глазами на стул:

– Посидите чуток! Вы только завтра приступаете к работе?

– Да, мне нужно съездить домой. Я живу недалеко от Владивостока...

Она не успела закончить фразу. В палату влетела Нина Ивановна.

– Давай, Наталья, бегом отсюда! – Она расправила одеяло на Игоре, раздвинула шторы на окне, развернула цветочный горшок на подоконнике и, заметив, что Наташа в нерешительности застыла на пороге, взяла ее под руку. – Пойдем, пойдем! С минуты на минуту сюда высокое начальство пожалует. Сейчас они с Лацкартом в его кабинете беседуют, и нам лучше им на глаза не показываться...

...За окном прогрохотал товарняк, и, встряхнув головой, Наташа отогнала воспоминания. В окне показались первые дома станции, и она прошла в тамбур, приготовилась выходить.

Анастасия Семеновна Гончар варила варенье. Все пространство летней кухни занимали эмалированные тазы с ягодой, сахаром, разнокалиберные стеклянные банки, полиэтиленовые и жестяные крышки, и внучка знала: самое последнее дело лезть в это время к бабушке с расспросами, рассказами или просьбами.

Наташа бочком протиснулась к холодильнику, налила себе молока в большую кружку, отрезала кусок хлеба и направилась в дом.

- Наташа, ты опять всухомятку ешь? – окликнула ее бабушка. – Вернись, поешь нормально!

- Да я не голодна, в больнице позавтракала.

- Да какой теперь завтрак! – рассердилась Анастасия Семеновна. – Уже обедать пора! – Она посмотрела на часы и обеспокоенно спросила: – Почему задержалась? На работе что-то случилось?

- Случилось, но ничего страшного. – Наташа, прихлебывая молоко из кружки, прислонилась к косяку. – Повышение по службе получила, но об этом потом, – торопливо закончила она. – Сейчас часок посплю, после на сопку с козами прогуляюсь, а вечером подробно все изложу. Договорились?

- Договорились, – вздохнула бабушка, – дождешься тебя, как же! Ты что, забыла? У Петра сегодня день рождения. С утра прибежал, еще раз напомнил, что ждет тебя к семи.

Наташа с досадой хлопнула себя по лбу:

- Вот бестолковая! Хотела в городе забежать в универмаг, подарок ему купить, и все из головы вылетело. Теперь надо тащиться в наш военторг, а что купить – не знаю. – Наташа потянулась, сладко зевнула и с досадой добавила: – Придется со сном завязать! Нужно выбрать Петру подарок.

Бабушка поверх очков пристально глянула на внучку:

- Возможно, я ошибаюсь, но ты, кажется, не слишком жалуешь Петра. И чем он плох? Дом – полная чаша, и сам при деле. Из себя тоже видный и складный. Про

таких раньше говорили: «Первый парень на деревне». Я ведь не вечная, давление скачет, сердце шалит... Вот-вот одна на всем белом свете останешься. За ним жила бы как за каменной стеной. Для тебя же лучше, что у вас десять лет разницы в возрасте.

– И чем же лучше, бабуля? – Наташа присела на порожек летней кухни и подставила лицо солнечным лучам.

– Да хотя бы тем, что он человек взрослый, трезво рассуждает о жизни, о семье. Одного не пойму: как он при своем уме и здравом рассудке мог в тебя влюбиться? Ты же совсем еще дитя, неразумное и частенько легкомысленное в некоторых вопросах.

Наташа засмеялась, вскочила на ноги и повисла у бабушки на шее.

– Обижаешь, бабуля, собственную внучку! А за Петьку, каким бы он ни был расчудесным и прекрасным, я замуж не выйду! Не люблю я его и ничегошеньки с этим поделаться не могу. – Она отстранилась и заглянула бабушке в глаза. – Какие мои годы? Успею еще и замуж выйти, и правнуков тебе нарожать, но только уволь, не от твоего драгоценного Петра Васильевича Романова.

– Не хочешь выходить замуж, так ему и скажи. Он же не ребенок, чтобы ему мозги пудрить. Сегодня прямо все и объясни: дескать, буду принца заморского ждать!

– Бабуля, не сердись! Честное пионерское, обещаю тебе подумать до конца каникул, может, что и надумаю! – Наташа лихо развернулась на одной ноге, отчего юбка взлетела колоколом, и послала бабушке воздушный поцелуй. Сегодня по непонятным причинам она чувствовала себя необыкновенно легко и испытывала небывалую радость от того, что опять дома, бабушка варит варенье, в хлеву блеют козы, а она молода, красива и счастлива поэтому безмерно!

Бабушка замахала руками и кинулась к плите, где в медном тазу начинало закипать варенье из крыжовника.

Наташа сняла на бегу платье, сбросила босоножки и босиком побежала в огород. Недавно Петр соорудил там душ. Обтянув каркас из реек полиэтиленовой пленкой, он водрузил небольшой бак на помост, собственноручно изготовленный

из металлических труб и вкопанный в землю. Оглядев сооружение, довольно усмехнулся:

- Надеюсь, я заслужил обновить душ на пару с тобой?

Наташа сначала смутилась, затем рассердилась:

- Даже не надейся, у тебя в огороде точно такой же, а здесь мне одной места мало!

Петр посмотрел на нее с легкой усмешкой и вдруг обнял за плечи, привлек к себе:

- Наталья, хватит строить из себя наивную девочку. Ты ж прекрасно поняла, что я имел в виду.

Наташа сделала удивленные глаза, отодвинулась от него и тут же пожалела об этом.

- Ах так! - Петр рывком прижал ее к себе. Наташа с размаху уткнулась носом в его широкую грудь. В то же мгновение сильные пальцы приподняли ее подбородок, и Петр впился в ее губы жестким, требовательным поцелуем. Наташа попыталась вырваться, но его руки соскользнули с плеч на талию, и он прижал ее к своим бедрам.

Продолжая сопротивляться, она старалась оттолкнуть Петра от себя. Но он пресек ее попытки, прижав к стене сарая. Его губы продолжали терзать ее рот. Наташа задыхалась, ей казалось, что она на грани обморока. Мужские руки обхватили ее бедра, скользнули под платье... Этого она уже не могла стерпеть!

Вскрикнув от ярости, Наташа заколотила кулаком по его плечу. Петр оставил в покое ее губы и погладил успокаивающе по спине:

- Ты что? Неужели испугалась? Я ведь ничего плохого не хочу. - И, задохнувшись, припал к ее уху: - Хорошая моя, пойдем на сеновал! Я ведь не мальчик, мне не до поцелуйчиков...

Наташа что было сил толкнула его в грудь. Петр с недоумением смотрел на нее:

- Боишься, что наиграюсь и брошу? По мне хоть завтра в загс, хоть сегодня! Чем быстрее распишемся, тем лучше! Я разве против?

Наташа отошла на безопасное расстояние, окинула взглядом его большую, миглом сникшую фигуру и выкрикнула сердито:

- Петр, ты в своем уме? Мне еще уйму лет учиться! Ни о каком замужестве и речи не может быть! Да и не люблю я тебя, ты ведь знаешь!

Петр с обидой посмотрел на нее:

- Что ты понимаешь в любви? Целоваться еще не умеешь, а туда же! А я тебя научу, поймешь, как это сладко.

- Петя, - Наташа покрутила пальцем у виска, - ты меня за дуру считаешь? Неужели я не понимаю, чем заканчиваются уроки на сеновале? - Она решительно отряхнула платье. - Ты - мой друг. Старший надежный друг. Мне с тобой спокойно, уютно, но не более того. Я всегда тебя уважала, но сейчас мне стыдно и обидно. За кого ты меня принимаешь? Если я не умею целоваться, то обязательно этому научусь, но не с тобой.

Петр отвел глаза и насупился.

- Наташа, поверь, мне тоже нелегко! Думаешь, я не замечаю, как мужики на тебя смотрят? И работа твоя мне не нравится. Сутками в госпитале пропадаешь, а там тоже мужик на мужике и мужиком погоняет. Я боюсь потерять тебя! Боюсь, что опять уедешь в свой Ленинград и какой-нибудь ловкач подцепит тебя. Пойми, я этого не переживу! - Он присел на корточки около сарая, обхватил голову руками. - Дай слово, что выйдешь за меня. Пусть не сейчас, через год, два... Я буду ждать, сколько скажешь!

Наташа присела рядом, осторожно провела пальцем по его плечу:

- Петя, милый! Ну как я могу тебе что-то обещать? Это даже нечестно. Мне пока никто не нравится, а вдруг завтра или через неделю я встречу человека, без

которого не смогу жить, что тогда?

Петр поднялся на ноги, окинул ее тяжелым взглядом:

– Ладно, чего уж там! Извини меня за сегодняшнее. Сам не пойму, что на меня накатило!

Наташа вскочила на ноги и протянула ему ладонь.

– Давай оставим все по-прежнему. – Она заглянула ему в глаза и вдруг прочитала в них такую тоску и отчаяние, что не выдержала и отвернулась. – Прости меня, ради бога!

Петр криво усмехнулся, накрыл ее руку своей, слегка сжал:

– Прощаю, мне больше ничего не остается!

После этого Петр продолжал постоянно бывать у них, и когда Наташин выходной совпадал с субботой или воскресеньем, возил ее на своих «Жигулях» на пляж за селом, иногда встречал в городе после работы и отвозил домой. И все же в их отношениях словно что-то надломилось, не было уже прежнего доверия и раскованности...

Бабушка замечала, конечно, что между соседом и внучкой пробежала черная кошка, но предпочитала помалкивать, справедливо полагая, что встречать в сердечные дела – только портить.

Зато мать Петра была явно рада их размолвке и при каждом удобном случае старалась поддеть, больнее уколоть симпатию сына. Наташа понимала, что родители Петра не в восторге от его выбора.

Заметить их неприязнь было совсем не сложно. И Наташа наотрез отказалась бывать в кирпичных хоромах Романовых. Вскоре она прекратила и поездки на «Жигулях» Петра. Слишком пристальные взгляды соседа тревожили ее, портили настроение...

* * *

Наташа приняла душ, переоделась в пестрый шелковый костюмчик и отправилась за подарком. Идти было далеко, через все село, причем большая часть пути проходила вдоль глухих кирпичных и бетонных заборов доброго десятка воинских частей, расквартированных в селе. Она прошла половину пути и уже пожалела, что надела туфли на высоком каблуке, но возвращаться не хотелось, и Наташа отправилась дальше.

В селе была заасфальтирована одна-единственная улица – Сергея Лазо, – даже не улица, а участок тракта, потому что Полтавское располагалось как раз на полпути между Уссурийском и Владивостоком. Другие же улицы и переулки во время частых дождей превращались в непроходимое болото, которое не страшило только обладателей высоких резиновых сапог. Улицы не успевали просыхать, вдобавок недалеко располагалась танковая дивизия, и тяжелые машины, лязгая гусеницами, совершали регулярные марш-броски к учебным полигонам напрямую по сельским улицам, поэтому местные жители давно привыкли к постоянному дребезжанию оконных стекол и посуды и к разбитым дорогам. С трудом, постепенно Наташины земляки смирились и с тем, что после строительства на самой высокой сопке ажурного монстра непонятного назначения, нависшего над селом с востока в виде гигантской буквы Н, их телевизоры полностью отказались служить своим хозяевам.

В торговом зале военторга было прохладно и пусто. Кассирша не подняла головы от книги, а молоденькие продавщицы столпились в обувном отделе и, тесно сдвинув головы, что-то рассматривали.

Наташа медленно прошлась по залу. В принципе, она даже не представляла себе, что можно купить в подарок Петру. Модный галстук? Но он их демонстративно не носит, утверждая, что они ему и на службе надоели. Рубашку? Но это уж слишком по-родственному... Правда, она присмотрела неплохой эстамп, но вспомнила, что все свободное пространство в доме Романовых завешано пестрыми коврами, и ее картинке место вряд ли отыщется. Разве что где-нибудь на кухне или, к примеру, на потолке!

Настольная лампа, конечно, в хозяйстве вещь полезная, но стоила почти пятьдесят рублей. Для Наташиного кошелька это было слишком накладно. Она вздохнула и направилась к обувному отделу. Там работала ее одноклассница Милка Севостьянова. В седьмом классе они целый год сидели за одной партой и

хотя задушевными подругами не слыли, но приятельские отношения поддерживали и после окончания школы.

Завидев Наташу, Милка выбежала из-за прилавка ей навстречу. Невысокая, пухленькая, с пышной «химией», отчего голова ее походила на воздушный шарик на тонкой ниточке-шее, Милка была девушкой неуклюжей, однако самонадеянной. Такую манеру держаться диктовало ей особое положение: как-никак ее мама имела доступ к дефициту, потому что возглавляла продовольственный магазин военторга, а подполковник папа являлся заместителем командира дивизии по тылу. Одежду и обувь Милка носила исключительно импортную, что немного компенсировало ее серенькую внешность.

В отличие от других Наташиных одноклассников она даже не пыталась поступить в институт или в техникум, а окончила курсы товароведов и больше года работала в одном из самых престижных отделов военного универмага – обувном.

Девушки обнялись, и Милка увлекла Наташу за собой в подсобку. Усадила на стул, пододвинула к ней коробку с конфетами, налила чаю из стоявшего на столе самовара. Перехватив Наташин взгляд, брошенный на коробки на полках, огорченно вздохнула:

– Прости, но ничего предложить не могу. Туфли – обалденные, но Галина даже в отдел не дала ни одной пары.

Галина, старшая сестра Петра, возглавляла гарнизонный универмаг. Она тоже училась в свое время у Анастасии Семеновны, но Наташу упорно не замечала, особенно когда узнала, что Петр ухаживает за этой соплячкой.

– Да мне ничего и не нужно, – успокоила Наташа одноклассницу. – Пришла подарок на день рождения купить и ничего не могу выбрать!

– К кому идешь? К парню или к девке?

– К парню. Петра Романова знаешь, вашей Галины брата?

Милка открыла рот:

- Так тебя тоже пригласили? Я и не знала, что вы знакомы!

Наташа улыбнулась:

- Мы ведь живем по соседству.

- Он что, за тобой ухаживает? - Милка подозрительно ее оглядела. - Мне Галина про это ничего не говорила.

- Успокойся, не ухаживает. - Наташа встала со стула. - А тебя случайно не за него сватают?

- Да, вроде этого. - Милка покраснела. - Наши родители давно уж сговорились, а он, видишь ли, ни в какую! На прошлой неделе пришли к ним в гости, хотели меня с ним познакомить, а он, кажется, специально на рыбалку уехал. Но со дня рождения, думаю, не сбежит. А тебе он вправду не нравится? А то я подслушала, как его мамашка моей жаловалась, что он вроде себе зазнобу нашел, говорит, голь перекатная, а за Петра уцепилась, клещами не оторвать!

У Наташи перехватило дыхание. Вот, значит, какого мнения о них семейство Романовых? От обиды запершило в горле, на глаза навернулись слезы, но она сдержалась: не Милке же показывать свои переживания. Да и переживать-то особенно нечего. Она никогда не стремилась в невестки к родителям Петра. И если им так хочется поскорее женить сына, Милка - лучшая кандидатура. Да и у нее гора с плеч свалится. За этот месяц, что она будет безвылазно находиться в госпитале, многое может измениться. Вдруг Петр передумает и решит, что Милка лучше подходит на роль его жены.

Пока Наташа допивала чай, предаваясь печальным размышлениям, Милка нырнула под стол и извлекла оттуда тяжелую коробку:

- Смотри, что я ему в подарок приготовила. Хрустальный набор для пива. Немецкий. Кувшин и две кружки. Ты случайно не знаешь, он пиво любит?

– Случайно знаю. Не просто любит, а обожает. Даже умудряется где-то чешское доставать.

– А это, верно, моя мамка его потчует. – Милка опять покраснела и, смущенно потупившись, прошептала: – Очень мне Петр нравится, Наташка. Тебе не кажется, что он на артиста Ивашова похож, того самого, что в «Балладе о солдате» играл?

Наташе этого не казалось. Простой русской физиономией Петр скорее смахивал на артиста Харитонову времен Ивана Бровкина, но она лишь пожала плечами.

Милка продолжала:

– По-моему, совсем не страшно, если муж немного старше. Мужики, я слышала, особенно ценят, если жена молоденькая да вдобавок еще и хорошенькая.

Наташа едва сдержалась, чтобы не рассмеяться: насчет своей внешности Милка, мягко говоря, сильно заблуждалась. Однако пусть себе думает, что хочет, это ее личное дело.

Милка осторожно задвинула коробку под стол и предложила:

– Пойдем посмотрим что-нибудь и для тебя.

Они прошли к ювелирному отделу, и Милка прошептала что-то высокой сухопарой продавщице. Та молча кивнула, достала из-под прилавка небольшой ящик, протянула девушкам красивый портсигар.

– Пойдет? – Милка повертела его в руках. – Можно с обратной стороны поздравительную надпись выгравировать.

– Смотря сколько он стоит. – Наташа испугалась за свой тощий кошелек: на дорогую вещь она не рассчитывала.

– Десять рублей. Берете?

Наташа замялась.

Продавщица поджала губы и протянула руку, желая забрать портсигар обратно.

Наташа вздохнула:

- Беру!

Расплатившись за покупку, она взяла из рук Милки пакетик с подарком.

- Ты в чем идешь к Романовым? - поинтересовалась одноклассница.

Наташа пожала плечами:

- Пока не думала. Наверно, так и пойду в этом костюме.

Милка окинула ее победным взглядом:

- Пошли покажу, что я купила к сегодняшнему вечеру. Обалдеешь!

- Прости меня, Мила, я твой наряд лучше вечером оценю. А сейчас спасибо тебе за помощь, но мне нужно спешить. Хочу часок поспать после дежурства.

- Ну, смотри! - Милка покачала головой. - Конечно, ты девчонка симпатичная, но я тебе по-дружески советую, надень что-нибудь более подходящее. Очень уж твой костюмчик простовато выглядит. А то там такие мадамы будут! В таких туалетах!

- Хорошо! - Наташа помахала ей рукой и вышла из магазина. В дверях она столкнулась с Галиной. Сестра Петра гордо прошествовала мимо, сделав вид, что не заметила ее.

Глава 5

Дома бабушка долго и придирчиво рассматривала портсигар, заметив, что негоже подарком привлекать внимание к вредным привычкам именинника.

Наташа обняла ее за плечи:

– Успокойся, бабуля, такие тонкости не для Романовых. Им главное, чтобы дорого стоило да выглядело бы богато.

Бабушка печально улыбнулась и покачала головой.

– Зря ты так о Петре. Он не в их породу пошел. Вспомни, сколько раз он в огороде и в саду мне помогал и ни копейки не взял. Тебе лет десять было, он только-только из армии вернулся, а у нас печь завалилась, так он сам всю ее переложил, и тоже бесплатно. И после того сколько добра сделал, когда шофером работал. И угля, бывало, привезет, и дров. А кто мы ему?

– Бабуля, не стоит об этом! – Наташа умоляюще посмотрела на бабушку. – Насильно мил не будешь! Я знаю, он хороший человек, но ему жениться надо, а у меня на первом месте – институт!

– Ладно, ладно! Я ведь не настаиваю! Но ведь согласишься: душа у парня золотая. Никакими богатствами ее не испортили, – произнесла задумчиво бабушка и подняла глаза на внуку. – Наверно, уже не успеешь с козами прогуляться?

– Почему же, у меня еще часа четыре в запасе. Гулянье назначено на семь вечера, благо завтра суббота, выспятся!

– А у тебя разве не выходной завтра?

– Дежурю я завтра, бабулечка. – Наташа обняла старушку, прижалась к ее щеке. – Не огорчайся, но мне придется тебя покинуть на целый месяц. Определили меня сиделкой к одному моряку, его вчера только прооперировали. Теперь ему нужен особый уход, вот Лацкерт мне и предложил. Зарплата почти в два раза выше, но, пока больной на ноги не встанет, придется постоянно рядом с ним находиться.

– Какой уход ты можешь обеспечить? – всполошилась бабушка. – Он же небось неподъемный, надорвешься еще!

– Насчет этого не беспокойся, в случае чего мне санитары помогут. Они у нас парни здоровые! А я буду следить за его состоянием, кормить, поить и добрый настрой создавать.

Анастасия Семеновна подозрительно посмотрела на внуку:

– Какой еще добрый настрой? С чего, интересно, ты так зарозовела? Молодой этот больной или в годах?

– Примерно такой же, как Петька, может, чуть моложе.

Бабушка взволнованно поднялась со стула:

– Да что ж они, твои начальники, вытворяют? Виданное ли дело молодой девчонке за молодым мужчиной присматривать, да еще в одной палате с ним ночевать? Завтра с тобой в госпиталь поеду, сама со всем разберусь! Ишь, чего надумали! И Нина куда смотрит?

Наташа подтолкнула бабушку назад к стулу:

– Сядь и успокойся! Послушай меня, пожалуйста! Во-первых, госпиталь – вполне обитаемый остров, а палата – так вообще проходной двор. Днем врачи, медсестры, посетители так и снуют. Да и ночью дежурные врач и медсестра постоянно справляются о его состоянии. Во-вторых, Нина Ивановна всегда на страже, иначе она не позволила бы мне ухаживать за ним. Ей ведь на месте виднее, бабуля! В-третьих, надо знать его состояние. По-моему, его еще с полгода, если он выкарабкается, не потянет ни на какие подвиги. В-четвертых, у меня своя голова на плечах есть, а в-пятых... – загнула Наташа большой палец, но бабушка перебила ее:

– В-пятых, у твой мамы тоже вроде голова на плечах имелась, только вот на втором курсе замуж выскочила. На третьем уже тебя в люльке качала... Ну да ладно, я ведь знаю, тебя не переспоришь. Учти, на днях я все же наведаюсь в госпиталь, с Ниной поговорю, чтобы за тобой лучше присматривала.

На том и порешили. Наташа быстро побросала в чемодан кое-какое белье, два-три летних платья, теплый свитер и легкую курточку. Подумала и положила несколько книг и журналов, которые без конца перечитывала и знала почти наизусть. Один томик упал на пол, она склонилась над ним. «Мастер и Маргарита». На титульном листе сохранилась подпись отца. Наташа знала, что родители купили томик Булгакова в Ташкенте, где они работали три года после окончания Ленинградского мединститута. Каким образом удалось издать этот роман в конце семидесятых в среднеазиатской республике, ведомо было только его издателям, об этом Наташа не задумывалась, но с недавних пор именно «Мастер и Маргарита» стала ее любимой книгой.

Наташа застегнула чемодан, сняла со спинки стула спортивные брюки. Для выпаса коз она давно уже присмотрела отличную поляну на вершине сопки, но к ней приходилось пробираться сквозь густой лиственный лес, сплошь заросший диким хмелем и актинидией.

Стебли лиан – серые и коричневые, с блестящими овальными листьями – осенью покрывались сочными, похожими на крыжовник ягодами. Бабушка пересыпала их сахаром, и Наташа уже обещала привезти баночку кисловато-сладкого джема в подарок Разумовичам. Евгения Михайловна просила привезти еще и лимонника. Очень уж Сонькиному семейству понравились дальневосточные лакомства.

Наташа знала о неприятных сюрпризах, которые таились в густых влажных зарослях, поэтому всегда обувалась в резиновые сапоги. Но побаивалась она не змей и лягушек, все-таки сказывалась ее учеба в мединституте, где и не такое приходилось видеть и держать в руках, а огромных черных пауков. Они натягивали поперек тропинок такие прочные паутинные сети, что их с трудом удавалось разорвать рукой. Наташа на себе испытала, что значит запутаться в густой паутине, а потом отдирать от лица и от рук липкие нити.

Козы, как два резвых мустанга, ринулись вверх по горе, у подножия которой находился их огород. Наташа прихватила с собой серп и два больших мешка для травы, чтобы бабушка хотя бы пару дней после ее отъезда не заботилась о корме для прожорливой скотины.

Девушка вздохнула. Бабуле с каждым годом все труднее вести их небольшое хозяйство, особенно после смерти дедушки. Сначала пришлось отказаться от коровы. Но вот теперь уже и коз ей держать не под силу, и в зиму решено их

продать. Только куры пока ей не в тягость. Их всего десяток во главе с петухом Квазимодо, потерявшим в боевых схватках глаз, гребень и почти все хвостовое оперение. Лихой боец Квазимодо, помимо своих основных обязанностей, успешно заменял цепного пса, на их калитке до сих пор сохранилась разрисованная дедушкой табличка «Осторожно! Злой петух!».

Потеряв из виду хозяйку, козы блеяли у каменной осыпи, густо поросшей лимонником. Наташа на ходу сорвала несколько молодых листочков, растерла их между пальцами – тонкий запах лимона держится, пока не вымоешь руки.

На вершине сопки она замедлила шаг. Огромная плоская поляна, покрытая пышным разнотравьем с одинокими зонтиками деревьев, напоминала ей африканскую саванну. Именно так она изображалась в школьном учебнике географии. Наташа с детства любила это место, где можно было пристроиться в тени деревьев с томиком Жюль Верна или Майн Рида. Прищурившись, она вглядывалась в волнующиеся травы и с замиранием сердца представляла себе стада зебр и антилоп, крадущихся львов, неторопливых слонов, вальяжных страусов и толстых бегемотов...

Вечером ее находил сердитый дедушка, дома отчитывала бабушка. Но уже на следующий день, уловив минуту, она сбегала от стариков на свою любимую поляну.

Повсюду в траве скрывались неглубокие широкие ямы с обвалившимися краями. Это капониры, следы старого танкового полигона. Но учения в этом районе не проводились уже много лет, и местные жители использовали его как место выпаса домашней живности.

Наташа привязала коз на длинных веревках к колышкам, иначе шустрые негодницы ринутся на поиски приключений, и тогда их искать не переискать.

Плотно утрамбовав скошенную траву в мешки, Наташа сложила их под молодым дубком, а сама, расстелив на траве покрывало, прилегла и решила подремать в тени.

Легкий ветерок путался в зарослях орешника, деловито шуршал в густой траве, приятной прохладой окутывал лицо. Бабочки и стрекозы, застигнутые врасплох его игривыми порывами, в панике планировали на ближайшие листья и цветы.

Но шаловливый ветер на секунду затихал, чтобы с удвоенной энергией налететь на травы и деревья, гонять облака.

Все Наташины попытки заснуть закончились полной неудачей. Она не понимала, откуда взялось и вот уже сутки живет в ней странное, взвинтившее нервы предчувствие. Тревога овладела всем ее существом, и сколько она ни пыталась найти объяснение столь необычному состоянию своей души, так и не сумела в этом разобраться, понять, почему столь мучительно ноет и волнуется ее сердце.

Все вокруг было привычно, спокойно, знакомо, а она не находила себе места от беспокойства.

Девушка энергично растерла лицо ладонями. Может, это ее состояние связано с сегодняшним разговором с Милкой, вольно или невольно подтвердившей ее опасения, что родители Петра не в восторге от их дружбы и даже относятся к ней с презрением?

От этих мыслей на душе стало и вовсе муторно, и окончательно расхотелось идти на день рождения. Не хватало ей ядовитых подковырок и ехидных замечаний вроде: «За всю жизнь добра не нажили, а туда же!..» или «Нашему Пете шибко грамотная жена не нужна. Сами мы университетов не кончали и, дай бог, живем получше некоторых, кто только и умеет, что книги читать да языком болтать». К тому же Наташа знала, во что превращаются подобные гулянки: гости перепьются, и все пойдет по давно заведенному распорядку – разудалые пляски, разухабистые песни, а также тихий шепоток в дальней спальне, где мать и дочь Романовы под шумок станут рассматривать подарки и прикидывать их стоимость. Наташа представила, сколько язвительных замечаний вызовет ее портсигар, и скривилась, как от нестерпимой боли. Нет, свой подарок она отдаст Петру, и пусть только он выпустит его из своих рук!

Конечно, сегодня Петр вряд ли сумеет избежать знакомства с Милкой, тут уж обе мамы костью лягут, чтобы осуществить задуманное. А Наташе наверняка придется отсиживаться в дальнем углу, пока не удастся незаметно улизнуть. И все-таки не это ее беспокоило! Стараясь отвлечься, Наташа закрыла глаза, прислонилась головой к теплomu стволу дерева и стала вспоминать свою встречу с Петром в прошлом году. Стоял конец августа – тихий, ласковый, необычно щедрый на тепло...

Глава 6

До ее отъезда осталось меньше недели, и Наташа, прихватив с собой коз, решила совершить последнюю вылазку к дальним сопкам за лимонником. Пути было километров восемь, поэтому она поднялась рано, часов в шесть утра. Надела джинсы, свитер и легкую брезентовую штормовку, положила в рюкзак несколько бутербродов и термос с чаем, обулась в резиновые сапоги и взяла в руки дедушкину двустволку.

Анастасия Семеновна строго оглядела внучку с головы до ног:

– Что-то боязно мне отпускать тебя одну в такую даль. Воинские части повсюду. Встретят в лесу вояки, мало ли что взбредет им в голову.

Наташа чмокнула бабушку в щеку:

– Не беспокойся, не впервой! К тому же я с оружием. Заодно парочку-другую уток на озерах подстрелю. – Девушка улыбнулась. – Жди меня вечером с большими трофеями!

– Так уж и с трофеями? – недоверчиво усмехнулась старушка. – Сама жива-здоровая возвращайся. – Она обняла внучку. – А может, бог с ним, с лимонником? Варенья в этом году наварили – еще на пару лет хватит!

– Бабуля, я ведь обещала Сонькиной матери привезти и лимонника, и красной рыбки. У них в Ленинграде этого днем с огнем не сыщешь!

– Ну, тогда гляди! Только прошу, не лезь куда не следует! Паспорт не забудь, не дай бог за нарушителя границы примут...

Наташа рассмеялась:

– Меня – вряд ли, а вот коз – обязательно. Эти твари любому шпиону сто очков вперед дадут по скрытому преодолению советских рубежей...

* * *

Часам к четырем пополудни Наташа успела подстрелить двух уток и набрала полное ведро ярко-оранжевых ягод лимонника. Натруженные ноги гудели и требовали отдыха: за весь день она лишь однажды присела на четверть часа, чтобы перекусить. Пришло время возвращаться домой, и Наташа, выбрав небольшую поляну у подножия сопки, устроилась в тени пышных кустов передохнуть перед долгой дорогой домой.

Легкий хруст веток за спиной заставил ее насторожиться. Подхватив лежавшее рядом ружье, она вскочила на ноги и испуганно оглянулась. Из кустов встревоженно вспорхнула птица, чья-то рука раздвинула ветки, и в метре от нее, как из-под земли, выросли три дюжих парня в военной форме.

- Стоять! - приказал один из них, в звании прапорщика. - Бросай оружие!

- Еще чего! - Девушка повела стволом, нацелив его парню в грудь. Тот на мгновение опешил, а два других солдата схватились за автоматы. Но Наташа и не думала отступить и продолжала упорно сжимать приклад ружья.

Прапорщик улыбнулся:

- Чего ты, дурочка, боишься? Никто тебя не тронет, но ты проникла на территорию военного объекта. Мы должны выяснить, как ты здесь оказалась и с какой целью.

Наташа, кивнув в сторону коз и ведра с лимонником, с вызовом произнесла:

- Вон мой шпионский арсенал.

Прапорщик озадаченно хмыкнул:

- Документы с собой?

Не опуская ружья, девушка протянула ему паспорт. Прапорщик прочитал ее фамилию, проверил прописку, но паспорт не вернул. Приблизившись к Наташе, он безбоязненно отвел ствол ружья в сторону и вдруг радостно улыбнулся:

– Так ты Наталья, что ли? Анастасии Семеновны внучка? А я Петр Романов, на соседней улице живу, не помнишь разве?

Прапорщик оглянулся на солдат, словно приглашал и их разделить радость от нечаянной встречи. Поняв, что инцидент заканчивается благополучно, парни вернули автоматы на прежнее место. Наташа, последовав их примеру, повесила ружье на плечо и пожала руку соседа. Петр удержал ее пальцы в своей ладони и восхищенно прищелкнул языком:

– Надо же, какая из тебя красотка получилась! Сколько мы не виделись? Лет шесть-семь? Помню, бегала по улице белобрысая пацанка, конопатая, с мышинными хвостиками вместо косичек... – Глаза его мечтательно затуманились и тут же вдруг вспыхнули неподдельным интересом. – Замуж-то успела выскочить?

Наташа отрицательно покачала головой.

– И правильно! – Петр удовлетворенно потер руки. – С этим делом спешить никогда не следует. Как, орлы, согласны?

«Орлы» вяло улыбнулись и пожали плечами. Видимо, их мнение не совсем совпадало с мнением командира, но Петр уже отвернулся от подчиненных и переключил свое внимание на девушку.

– К сожалению, я должен препроводить тебя на контрольно-пропускной пункт. Нарушение зафиксировали приборы, и теперь ты должна дать объяснение, как и зачем ты проникла на территорию важного военного объекта.

– Вы шутите?

– Какие шутки? Когда по опушке шла, колючую проволоку заметила?

– Ну и что из этого? Тут ее везде видимо-невидимо. Я точно знаю: раньше никогда здесь никаких военных объектов не было и в помине!

Петр удрученно покачал головой:

– И чему вас в институтах учат? Ухудшение международной обстановки тебе ни о чем не говорит?

– Говорит! – Наташа сердито посмотрела на Петра. – С вашей международной обстановкой скоро в лесу не грибы-ягоды расти будут, а ракеты стратегического назначения. – И мрачно глянула на прапорщика. – Показывайте, куда идти!

Петр повернулся к солдатам:

– Продолжайте обход территории, а я провожу мою сердитую соседку к командиру.

Наташа вытянула руки вперед и с явным ехидством в голосе спросила:

– Как насчет наручников? Надеюсь, нарушителям они полагаются?

Петр развернул девушку за плечо на сто восемьдесят градусов:

– Иди, иди, обойдемся без цепей, а Анастасии Семеновне я посоветую запастись хорошей хворостиной, чтобы поучила внучку, как разговаривать со старшими.

Наташа обиженно дернула плечом, сбрасывая его руку, и двинулась по едва заметной тропинке среди сухой травы и опавших листьев...

* * *

На контрольно-пропускном пункте их встретил угрюмый дежурный офицер в чине капитана. Он так долго и дотошно во всем разбирался, что Наташа не выдержала и вспыхнула:

– Сколько уже вы будете меня здесь держать? По-моему, я убедительно объяснила, что я не китайский, не японский и не американский шпион, мои козы блеют не азбукой Морзе и в ведре просто лимонник, а не взрывчатка.

Капитан огорошено посмотрел на нее и сухо заметил:

– Похоже, вы основательно начитались шпионских романов, товарищ Ливанова! Но ваше задержание уже отражено в документах, и я по долгу службы обязан сейчас решить, подвергнуть ли вас аресту в целях перевоспитания или провести профилактическую беседу с вами и вашими родителями на предмет укорачивания вашего слишком длинного языка.

Наташа рассердилась:

– А вам, наверно, доставляет удовольствие показывать свою власть над людьми?

Капитан побагровел.

– Не в моих принципах, девочка, грубить дамам. Но меня так и тянет снять сейчас ремень и хорошенько вас выпороть, чтобы знали, как разговаривать с людьми, которые находятся при исполнении служебных обязанностей. – И, отвернувшись от нее, крикнул в сторону двери: – Романов, зайди ко мне!

На пороге тут же возник Петр.

Роясь в бумагах и не поднимая глаз на подчиненного, капитан спросил:

– У тебя в машине место найдется, чтобы эту дикую кошку с ее козами домой доставить?

– Найдем, товарищ капитан, потеснимся, если что.

– Не стоит беспокоиться. – Наташа с вызовом посмотрела на капитана. – Как-нибудь сама доберусь!

– А это уже, милая моя, не получится. Скоро стемнеет, а до поселка не меньше десяти километров. Так что не спорьте. Через час Петр вас доставит домой в целости и сохранности.

– И правда, Наташа, зачем лезешь в бутылку? – подал голос Петр. – Ночью в лесу опасно, да и Анастасия Семеновна будет беспокоиться.

– Ну, хорошо, – согласилась Наташа и язвительно добавила: – Спасибо за чуткость и заботу, товарищ капитан. – Затем, развернувшись, направилась к выходу.

Петр и капитан переглянулись. Офицер огорченно покачал головой, а Петр развел руками: дескать, что с нее возьмешь, совсем еще зеленая, глупая...

Они вышли на крыльцо. Петр остановился и с подозрением посмотрел на Наташу.

– Ты что на капитана окрысилась? Он же мировой мужик и действовал по инструкции.

Наташа промолчала, а Петр продолжал допытываться:

– Или приставать к тебе надумал?

– Ничего он не надумал, – с досадой отмахнулась Наташа. – Просто мне его физиономия не понравилась!

– Ну, это ты зря. – Петр коротко хохотнул. – Бабы от него без ума, да и он не промах...

Наташа с тоской посмотрела на соседа:

– Давайте оставим вашего замечательного капитана в покое. Кажется, кто-то обещал отвезти меня домой?..

Минут через двадцать Наташа сидела на заднем сиденье «уазика» с откинутым брезентовым верхом. Запыхавшийся Петр пристроился рядом с водителем. Он только что закончил руководить рукопашным боем, который вело отделение солдат с рогатым противником.

Норовистая парочка брыкалась, отбивалась рогами и истошно блеяла. В конце концов коз связали и затолкали в кузов грузовика. Но Наташа подозревала, что впереди ее ждут более серьезные неприятности.

Глава 7

Наташа не ошиблась. Не спасло ее от сурового выговора и заступничество Петра, который пытался всячески защитить ее. Немного успокоившись и стараясь не глядеть на провинившуюся внучку, Анастасия Семеновна укоризненно бросила Петру:

- Слышала, что ты еще зимой вернулся домой, а глаз все не кажешь. Я уж думала, совсем забыл меня...

- Простите, ради бога, Анастасия Семеновна. - Петр огорченно поскреб в затылке. - Служба у меня такая. Сплошные дежурства, день и ночь на объекте пропадаю. Никак не получалось свободного времени выкроить, чтобы прийти навестить. - Он осмотрелся вокруг и остановил свой взгляд на Наташе. - А у вас все по-прежнему, ничего не изменилось, только Наталья вон какой красавицей выросла!

Бабушка махнула рукой:

- Вырасти-то выросла, в институт поступила, а ума с воробьиный коготок нажила! Ты бы по старой памяти шефство над ней взял, поговорил при случае, пожурил, а то мои слова от нее как от стенки горох отскакивают!

- Попробую, - улыбнулся ей Петр, - только сильно сомневаюсь, что она меня послушает!

Осуждающе поджав губы, Анастасия Семеновна взяла подойник и отправилась доить коз, наказав Наташе накрывать на стол. Бабушка бесповоротно настроилась накормить ужином неожиданного гостя, и Петр, хотя до дома ему оставалось не более сотни шагов, согласился остаться. Наташа налила ему борща, подала кружку с молоком. Вернулась бабушка, достала бутылку с домашним вином:

- По случаю встречи не возбраняется и выпить.

Гость и хозяйка выпили, а Наташа отказалась. Во время ужина она в основном помалкивала и украдкой разглядывала Петра.

За годы, что она его не видела, парень заметно раздался в плечах, заматерел. И только густой темно-русый чуб, основательно укороченный стрижкой, по-прежнему свисал на лоб. Прежними были и не слишком густые, но широкие брови, и нос все тот же, уточкой. Петр его забавно морщил, когда смеялся, словно собирался чихнуть... Загорелое лицо, голубые с черными стрелочками ресниц глаза ласково смотрели на Анастасию Семеновну. Но если Петр обращал свой взор на Наташу, они почему-то темнели. И когда Наташа, забавляясь, пристально смотрела на него в ответ, он, казалось, чего-то пугался и отводил взгляд в сторону. И тогда она, от души наслаждаясь его смущением, как бы невзначай снова и снова останавливала на соседе задумчивый взгляд, отчего он тут же терял нить разговора и переспрашивал бабушку, о чем они только что говорили.

После ужина Петр вызвался помочь Наташе вымыть посуду и взялся за дело с таким пылом, что она не удержалась и съехидничала:

– Петр Васильевич, можно слегка умерить ваш энтузиазм? Бабуля вас простила, вы ей и без этого нравитесь.

– А вам? – Руки соседа застыли над грязной кастрюлей.

– А это будет зависеть от качества вымытой посуды, – рассмеялась Наташа.

* * *

До ее отъезда в Ленинград оставалось два дня. Наташа уже купила билет на самолет и упаковала чемоданы. В этот раз Наташа покидала бабушку с легким сердцем. После возобновления знакомства Петр дневал и ночевал у них. Вечерами, если не дежурил на объекте, почти допоздна возился в их дворе: починил сарай, в котором зимовали козы, подправил провалившуюся крышу курятника, попросил в части машину и привез угля и несколько кубометров дров. С помощью трех солдат распилил их на чурки, расколол и сложил в поленницы. С Анастасией Семеновной у них установились теплые отношения. По вечерам они вместе смотрели программу «Время», ругали поднимающих голову

демократов и сетовали на развал экономики, обсуждали беспорядки в Грузии и национальные проблемы, возникшие в когда-то могучем и едином Советском Союзе.

Вот и в тот предпоследний перед Наташиным отъездом вечер бабушка и Петр пили чай на кухне и горячо обсуждали новое скандальное заявление Бориса Ельцина.

Поначалу Наташа пыталась делать вид, что целиком поглощена спором о дальнейшей судьбе перестройки, но вскоре начала клевать носом и, не удержавшись, во весь рот зевнула.

Бабушка подозрительно посмотрела на нее:

- Что-то ты спозаранку носом клюешь? Уж не заболела ли перед отъездом? - Она дотронулась ладонью до лба внучки и укоризненно покачала головой. - Кажется, есть температура. А ну-ка, сейчас же выпей чаю с малиной, прими аспирин - и в постель! Не хватало еще заболеть и опоздать на занятия.

- Ничего страшного. - Наташа обняла бабушку, прижалась щекой к ее плечу. - Это я слишком много горячего чаю выпила, не беспокойся, никакой температуры у меня нет.

Бабушка только вздохнула в ответ и принялась убирать со стола. Наташа повязала передник и взяла из ее рук стопочку грязных тарелок.

- Иди спать, бабуля, я посуду сама вымою и кастрюли вычищу.

Петр пристроился на порожке у открытой двери и закурил, а бабушка ушла к себе. Некоторое время Наташа слышала ее тихий голос. Анастасия Семеновна выговаривала коту Семену за грязные следы, которые пушистый любимец исправно оставлял на подоконнике после своих вечерних прогулок. Затем щелкнул выключатель, скрипнули пружины кровати, бабушка пробормотала что-то еще и затихла.

На кухне мерно постукивали ходики, в оконное стекло ударилась ночная бабочка, от ветерка вздулась занавеска... Наташа прикрыла форточку и

выключила верхний свет, оставив гореть небольшую лампу над кухонным столом.

За ее спиной послышались шаги. Она оглянулась. Петр, закрыв входную дверь, подошел к ней. Наташа подала ему полотенце:

- Вытирайте посуду, если нет более приятных дел.

Петр улыбнулся и стряхнул с руки капельки воды, брызнувшие на него из мойки.

- А что, это идея! Почему бы нам вместе не заняться приятными делами?

Наташа посмотрела на него с недоумением и принялась усердно скрести сковороду.

- Наташа, - Петр подошел вплотную, встал рядом, - тебе кто-нибудь говорил, какая ты красивая, просто с ума сойти, какая красивая?

Она скосила на него насмешливый взгляд, отодвинулась чуть в сторону, но занятия своего не прекратила.

- Очень естественный переход от грязной посуды к моей неземной красоте, Петр Васильевич! Странные у вас ассоциации, товарищ прапорщик!

- Не смейся, Наташа, я вполне серьезно. Наш капитан, например, который с тобой на капэпэ беседовал, уже раз пять про тебя спрашивал. Говорит, что не прочь познакомиться с тобой поближе. Кажется, ты ему понравилась. Может, пригласить его в гости?

Сковорода с грохотом полетела в мойку, и Наташа, упершись руками в бока, сердито уставилась на Петра.

- Послушайте, товарищ прапорщик! Мне эта информация ни к чему, я вас ни в сводники, ни тем более в сторожа не нанимала!

И она с удвоенной энергией принялась за сковороду, но Петр решительно отобрал у нее щетку. Глаза его смотрели приветливо, почти ласково.

- Честно сказать, Наташа, я бы охотно нанялся в твои сторожа.

Он бережно обнял ее за плечи и привлек к своей груди. Наташа откинула голову и посмотрела ему прямо в глаза. Они сияли и лучились такой нежностью и любовью, что на мгновение ей захотелось плюнуть на все свои принципы, прижаться к нему, почувствовать сильные мужские руки. Однако Наташа быстро опомнилась и, отстранившись, поспешно сделала несколько шагов к выходу из кухни. Петр попытался удержать ее за руку:

- Постой, Наташа, мне надо серьезно поговорить с тобой.

Наташа почувствовала, что краска стыда заливает ей щеки. Она негодуя выдернула руку из его ладоней:

- Что вы лезете со своими объятиями? Разве я кукла какая-нибудь?

- Я вовсе не думал тебя обижать, - растерялся Петр, - просто ты очень мне нравишься, и я хотел сказать тебе об этом.

Наташа смягчилась:

- Не стоит, Петр Васильевич! И не надо забивать себе голову такими мыслями. Скоро я надолго уеду, и у вас будет достаточно времени, чтобы понять, насколько все это несерьезно.

- Нет, ты ошибаешься! - Петр посмотрел на нее исподлобья. - У меня это как раз серьезно! Жаль, что не понимаешь, насколько серьезно. - Он тяжело вздохнул и спросил: - Писать письма хотя бы позволишь?

- И это тоже ни к чему! - Наташа отошла к окну, присела на подоконник. - Терпеть не могу писать письма и, если даже напишете, сразу заявляю: отвечать не буду. Я своим однокурсникам - и то отказываю.

- Спасибо за честность! - Петр криво усмехнулся, желваки заходили на его скулах. - А я все думаю, что это ты меня по имени-отчеству кличешь? А сейчас догадался: стар я, видно, для тебя?

– Простите. – Наташа поняла, что разговор скатывается не в то русло, и встала с подоконника. – Давайте закроем тему. Меня не интересуют ни старые, ни молодые, ни в чьих ухаживаниях я не нуждаюсь. И вообще я в ближайшее время менять свою жизнь не собираюсь. Пока у меня другие планы!

Наташа вежливо попрощалась с соседом, даже проводила его до калитки, и со спокойной совестью отправилась спать. На следующий день улетела в Ленинград и принципиально ни на одно письмо Петра не ответила. А его непрочитанные письма складывала в шкатулку, чтобы летом вернуть их отправителю.

И вернула, после чего Петр ровно три дня не появлялся у них дома. Обижался. А потом как ни в чем не бывало возник на пороге и взялся ухаживать за ней с удвоенной силой.

Теперь он не скрывал своих намерений и всю энергию направил на Анастасию Семеновну, постепенно, шаг за шагом, превращая ее в союзника.

Поначалу бабулю тоже смущала их слишком большая разница в возрасте.

Но потенциальный зять, проявляя чудеса добродетели, сломил наконец ее сопротивление. Анастасии Семеновне, конечно, не слишком нравилось, что Петр настаивает на скорой свадьбе. С другой стороны, старушка боялась, что не сможет доучить внучку, а Наташино замужество, особенно если молодые подождут с детьми, эту проблему снимало. Было у бабули и еще одно тайное соображение. На ее глазах Наташа превращалась в прелестную девушку. Старая учительница понимала, что внучка пока не осознает, какой могучей силой одарила ее природа – силой воздействия на мужчин. И эта сила или поможет ей всего добиться в жизни, или навсегда искалечит, если не уничтожит совсем.

Исподтишка наблюдая за внучкой, бабушка пыталась предугадать начало пагубных изменений в ее привычках или характере. Наталья, казалось, ничего этого не замечала: в свободное от работы время пропадала в лесу, читала, ездила с Петром на пляж. И ни в грош не ставила его знаки внимания. Нина Ивановна тоже хорошо отзывалась о Наташе, и Анастасия Семеновна засомневалась, не совершает ли ошибку, подталкивая внучку к замужеству.

Она, конечно же, гордилась своей внучкой. Наташа с отличием окончила школу, поступила в престижный институт, училась без проблем, парням без толку головы не кружила, одна беда – за языком никак не научилась следить, что доставляло бабушке немало огорчений.

И все же кое-что Анастасию Семеновну настораживало в Петре: кроме качеств доброго, заботливого хозяина и отличного здоровья, ничем другим он не мог похвастаться. Книг почти не читал, ограничиваясь газетами и телевизором, и то лишь потому, что этого требовал замполит. И разговоры его вертелись вокруг собственного дома, хозяйства и автомобиля. А она никак не могла представить Наташу в роли клушки-хозяйки, заглядывающей мужу в рот и радующейся каждому новому приобретению в хозяйстве.

До диплома еще далеко, а ее Наташа уже строила грандиозные планы освоения Крайнего Севера или, например, Байкало-Амурской магистрали. Анастасия Семеновна даже не пыталась ее отговаривать, зная, что через год очередные призывы партии и комсомола способны в корне изменить намерения внучки. Бабушка понимала, что ее уговоры только укрепят строптивую Наташу в ее романтических стремлениях.

Петр достаточно быстро разобрался в ситуации и убедился в том, что в Наташиных планах на будущее места для него нет. Однако продолжал бывать у них с настойчивостью, достойной лучшего применения. Но в последнее время до Анастасии Семеновны стали доходить слухи о том, что его родители недовольны выбором сына. Она попробовала узнать об этом подробнее, но Петр отказался говорить с ней на эту тему:

– Анастасия Семеновна, мне давно уже не пятнадцать лет, и я в состоянии разобраться во всем без подсказки родителей. А что касается сплетен, сами знаете, собака лает – ветер носит! Мои намерения серьезны. И если Наташа надумает выйти за меня замуж, будьте уверены, никогда об этом не пожалеет.

Вот таким образом обернулась для Наташи прошлогодняя встреча в осеннем лесу...

Наташа взглянула на часы. До начала торжества оставалось чуть более часа, и она вприпрыжку помчалась вниз по склону сопки. Опаздывать было не в ее правилах!

Глава 8

Петр, против ее ожиданий, встретил Наташу у калитки и место за столом определил рядом с собой. И сразу же возбужденный шепоток пробежал по рядам разодетых в яркие наряды дам и затих на противоположной стороне стола, где сидели отец и мать Петра. Наташа удивилась: обычно родители сидят поблизости от любимого чада, но Петр в ответ на ее вопрос пояснил:

– Это наши семейные фокусы! Они решили меня уму-разуму поучить! Видишь девицу рядом с толстой теткой в розовом платье? Сегодня нас пытались познакомить на предмет скорой женитьбы. Девчонка, конечно, дура дурой, не понимает, куда ее эти две клушки толкают.

– Я ее знаю, – Наташа глянула в сторону Милки и ее расстроенной мамы, – мы в одном классе с ней учились.

Петр ласково сжал под столом ее ладонь:

– Я уже выбрал одну из одноклассниц. Не обращай на них внимания! Сегодня мой праздник, и ты только моя гостья!

Но Наташа чувствовала себя не в своей тарелке под косыми, почти ненавидящими взглядами родственников Петра.

Честно говоря, она уже пожалела, что согласилась прийти на эту вечеринку. Весельем, как она и ожидала, здесь и не пахло. Гости, едва усевшись за столы, налегали на выпивку и закуски, словно десяток дней до этого усердно постились и сидели только на хлебе и воде.

Наташа почти ничего не ела, и вскоре ее тарелочка стала напоминать живописный натюрморт из разнообразных салатов и закусок, которые ей без усталости подкладывал Петр. Первой это заметила Галина и, склонившись к Наташиному плечу, ехидно прошептала:

– Зря нос воротить, дорогуша! В жизни небось ничего слаще редьки не пробовала, а корчишь из себя английскую королеву!

Наташа побледнела, но спорить не стала. Из противоположного угла комнаты за ними наблюдала Мария Андреевна, мать Петра. Девушка старалась не встречаться с ней взглядом: без сомнения, материнский гнев приближался к точке кипения.

Наконец старшая Романова не выдержала и присела рядом с сыном.

– Послушай, Петя, я, конечно, понимаю, мое мнение для тебя мало что значит, но Людмила очень хорошая девушка, и я советую все-таки подойти и поговорить с ней. Язык ведь не отвалится! – Тут она сделала вид, что вдруг заметила Наташу, и подчеркнуто любезно справилась: – А тебе, Наташа, не пора ли домой? Я слышала, ты завтра дежуришь?

Наташа почувствовала, как кровь прилила к лицу. Матушка Петра ясно дала понять, что ее присутствие здесь нежелательно. Обида, которая так долго таилась в Наташиной душе, вырвалась наружу, и девушка не выдержала:

– Извините, Мария Андреевна, что нарушила ваши планы и посмела прийти на день рождения вашего сына. Через минуту меня здесь не будет, и я никогда больше не переступлю порог вашего дома. Но напоследок я скажу все, что думаю. – Она перевела дух и с вызовом оглядела притихших гостей. – Хотя я и голь перекатная, как вы трубите об этом на всех перекрестках, но клещами за вашего Петра не держусь и держаться не собираюсь! И если вы желаете свести его с подходящей для вас девицей, то ради бога, мне от этого ни жарко, ни холодно!

Петр взвился на стуле:

– Я вам не бык колхозный, чтобы меня с телкой сводили! Я сам в состоянии решать, с кем мне встречаться и на ком жениться! Сегодня я уже просил вас, мама, не лезть в мои дела! Вашими советами и рекомендациями, – он провел ребром ладони по горлу, – я сыт по горло! Мила, – он повернулся к побледневшей девушке, такой нелепой в своем бело-голубом кружевном великолепии итальянского производства, – я не спорю, вы – девушка хорошая, но поверьте, нельзя мужа выбирать по маминой подсказке. И я сразу

предупреждаю: между нами ничего не сложится, потому что я люблю другую девушку. – Он потянул Наташу за руку, и она, подчинившись, поднялась со стула. Петр пристально посмотрел ей в глаза и громко, так, что услышали все гости, произнес: – Наташа, милая, при всех прошу тебя выйти за меня замуж.

Наташа ошеломленно уставилась на него. Меньше всего она ожидала подобного предложения, да еще при таком стечении народа. Но ответить ничего не успела. Мать Петра, схватившись за сердце, сползла по стене. Галина и отец бросились к ней. Но Петр, казалось, не замечал возникшей суматохи, не отрываясь, он глядел в глаза любимой. Но видел в них лишь испуг и растерянность...

Заплаканная Милка метнулась к выходу, чуть не сбив с ног баяниста, за несколько минут до этого бойко наигрывавшего «Златые горы», а сейчас в воцарившейся неразберихе не менее резво прятавшего бутылку водки за пазуху.

Галина подскочила к брату:

– Сейчас же уведи отсюда свою сучку, пока я ей глаза не выцарапала!

Петр побледнел:

– Ну что ж, сестренка, в конце концов, вы сами настаивали на этой гулянке. Я видел ее в гробу и в белых тапочках! Желаю от души повеселиться! – Он подхватил Наташу под руку и увлек за собой.

Они вышли за ворота, и Петр, что-то вспомнив, попросил Наташу немного подождать и вернулся в дом. Минут через десять он выскочил на крыльцо с большой сумкой в руках. Следом за ним почти бежали старшие Романовы.

Тучный папаша, запыхавшись, судорожно хватал ртом воздух, мамаша же, подпитав боевой дух валерьянкой, голосила что было мочи. При этом она совершенно забыла, что уже завтра все село будет злословить о скандале в благородном семействе Романовых.

– Ты мне больше не сын! – что было сил орала Романова, пробудив ото сна окрестных собак, с готовностью поддержавших ее. – Твоей ноги здесь больше не будет! Дом и хозяйство завтра же отпишем Галине, а ты чтоб ближе чем на

километр к усадьбе не подходил!

– Петр, учти... – Отец почти справился с одышкой, но в запале подрастерял значительную часть словарного запаса. Романов-старший хрипел и напоминал большую толстую лягушку, надсадно квакающую на берегу пруда. – Мы... тебя... добром... просили. Од-дума...ешься... только... поздно... будет! Смотри, Петр!

Вопли родственников провожали их всю дорогу вплоть до берега реки, куда Петр и Наташа бежали, взявшись за руки. Последнее, что они успели разобрать, было истошное:

– Проклянй тебя, скотина, и детей твоих проклянй, если женишься на этой девке!

Петр тихо чертыхнулся. Пробираясь сквозь покрытые ночной росой кусты, они основательно вымокли, к тому же Наташа повредила каблук, и, когда они ступили на покрытый галькой берег Суйфуна, он и вовсе отлетел.

– Секундочку! – Петр перебросил сумку на плечо и подхватил девушку на руки.

– Петя, ты что? Отпусти сейчас же! – Наташа попыталась освободиться, но он только крепче прижал ее к груди и ускорил шаг.

Вскоре впереди из темноты выступило низкое бревенчатое сооружение – домик сторожа лодочной станции. Старик умер еще по весне, и его убогое жилище пустовало все лето. Как-то раз Наташа и Петр пережидали здесь грозу, захватившую их на пляже. В тот раз Петр открыл замок гвоздем, но сейчас воспользовался невесть откуда взявшимся ключом.

К удивлению Наташи, домик выглядел обжитым: полы чисто вымыты, кровать застелена, хотя и стареньким, но еще приличным одеялом.

Она подошла к плите. Аккуратно сложенные рядом дрова и чисто вычищенные кастрюли окончательно убедили ее в том, что в домике кто-то поселился.

– Петя, тебе не кажется, что мы залезли в чужие владения?

– Не бойсь! – Петр весело подмигнул ей. – Это я все здесь устроил. Узнал в сельсовете, что никто на дедову хибару не зарится, взял и выкупил за энную, совсем небольшую сумму. Так что добро пожаловать в мой загородный особняк!

– Здорово! – Наташа захлопала в ладоши. – Что ж ты раньше об этом не сказал?

– Да я только вчера все документы оформил. А в секрете держал, чтобы сюрприз тебе преподнести. К слову сказать, родичи мои не в курсе. Я ведь планировал оборудовать себе здесь берлогу на случай критических ситуаций вроде сегодняшней. Правда, не знал, что она понадобится так скоро.

– Ты серьезно? – удивилась Наташа. – Ты решил уйти из дома?

Не ответив, Петр поджег щепу в печке. Огонь весело заплясал по поленьям, озарив комнату дрожащим светом. Петр снял с кровати одеяло, постелил его на пол перед печью. Приглашающе похлопал по нему ладонью.

– Садись, в ногах правды нет. А насчет того, серьезно или несерьезно я решил тут обосноваться, одно скажу – серьезнее не бывает. Осточертело мне, Наташка, под материнскую дудку плясать. Я ведь поэтому в свое время на Курилы смотался! Здесь на автобазе у меня была прекрасная работа, приличный заработок. Чего скрывать, жениться даже собирался. Девушка у нас диспетчером работала. – Он виновато посмотрел на Наташу. – Не обижаешься?

Петр нерешительно обнял ее за плечи, и Наташа, прижавшись к его теплему боку, положила голову ему на плечо. Он облегченно вздохнул и продолжал свой рассказ:

– Ту девушку Верой звали. Ее мать была алкоголичкой, сама Вера росла в детдоме. Окончила ПТУ, поэтому ни о каком приданом и речи не шло. – Петр тяжело вздохнул и прижал Наташу к себе. – До сих пор не знаю, кто сообщил моим родичам, что я встречаюсь с ней. В тот же день маменька встретила Веру по дороге на работу, и что уж ей такого наговорила, не знаю, но только моя Вера в одночасье собрала вещи и уехала. Я чуть с ума не сошел, когда об этом узнал. Вот тогда и завербовался на Курилы. Пять лет в море на сейнере ходил и домой вряд ли вернулся бы, но Галина дала телеграмму, что мать, дескать, тяжело больна. – Петр наклонился к Наташе и слегка коснулся губами ее щеки. – И вот теперь началось новое наступление, и опять против той, которую я сам себе

выбрал.

– Петя, не сердись на меня, но, может, тебе и вправду жениться на Милке? – спросила Наташа. – Она – девушка спокойная, добрая, хозяйственная. Я ее по школе хорошо знаю. Никогда она ни с кем не конфликтовала, с учителями не спорила, а мне, ведь знаешь, всегда доставалось на орехи!

Петр немного отодвинулся от Наташи и с тревогой посмотрел на нее. В голосе его звучало сожаление:

– Эх, Наташка, родная моя, неужели ты так и не поняла, как сильно я к тебе присох? Я по тебе с ума схожу, а ты так и норовишь опустить меня на землю. Зачем постоянно плюешь мне в душу, я ведь готов ее дьяволу заложить, чтобы ты осталась со мной.

Он опять прижал ее к себе, склонился к Наташиному лицу, и она почувствовала его дыхание на своих губах. Поняла, что он собирается ее поцеловать, ловко вывернулась из его рук и вскочила на ноги.

– Петр Васильевич, хватит меня кормить разговорами. Проводи лучше домой, а то уже терпения нет, так проголодалась после твоего дня рождения!

Петр облегченно вздохнул и улыбнулся:

– Напугала ты меня! Думал, сейчас дверь вынесешь и убежишь домой. – Он поднялся на ноги и подошел к сумке, которую захватил из дома. – Я ведь знал, что ты проголодаешься. Ни ты, ни я почти ничего за столом не ели. – Он расстегнул баул и заглянул в него. – Давай-ка посмотрим, что нам бог послал с родительского стола. Надеюсь, в последний раз, зато в изобилии.

Петр достал тарелки, которые, оказывается, тоже водились в его хозяйстве, разложил вилки. Потом, словно фокусник из заветного сундучка, достал из сумки пару бутылок вина, шампанское, жареную индейку, кастрюльку с картофельным пюре и десятком котлет, круг копченой колбасы, яблоки, коробку конфет и напоследок – большую хрустальную салатницу, полную салата «Оливье».

Наташа потрясенно следила за его манипуляциями, потом не выдержала:

- Петр, ты же гостей оставил без закуски!

- Ничего, им жратвы тоже прилично осталось и водки море. Но, думаю, теперь им не до веселья, хотя, может, и тризну сейчас по мне правят с тем же удовольствием.

- Ты что? - ужаснулась Наташа. - Нельзя так говорить! Ты хотя бы знаешь, что означает это слово?

- Чего ж не знать! В школе тоже учились! Да и мамаша успела сказать мне, когда я у нее котлеты конфисковал, что ей легче увидеть меня в гробу, чем женатым на тебе!

- Господи, ну чем мы с бабушкой им не угодили? Живем вроде не хуже других.

- Не в этом дело, Наташа, мои родичи судят о людях по толщине кошелька и количеству сберкнижек, а у кого этого не имеется, тот для них вроде плесени. - Петр принес от окна две табуретки и подставил их к столу. - Садись, разговорами сыт не будешь! - Он открыл бутылку шампанского, разлил по стаканам. - Извини, хрусталем еще не успел обзавестись. - И предложил: - Давай выпьем за нас, больше ни о ком я сейчас слышать не желаю.

Они выпили, и Петр снова наполнил стаканы, теперь уже вином.

- А теперь выпьем за надежду, не возражаешь?

Наташа не возражала и довольно лихо выпила вино. Обида, которую она носила в своем сердце с момента разговора с Милкой в гарнизонном универмаге, засела в ее сердце, и боль от незаслуженного унижения с каждой минутой становилась все сильнее и невыносимее. Впервые она ощутила себя беззащитной перед людской несправедливостью и злобой. Она с надеждой посмотрела на Петра, может, он действительно тот человек, который ей нужен, и будет не просто любить ее, но станет надежной опорой и покровителем?

– Ну, ты сильна! – Петр с веселым изумлением посмотрел на ее стакан. – Будешь еще?

– Буду, – заплетающимся языком ответила Наташа и подставила свой стакан. Разве могла она признаться, что пьет вино второй раз в жизни? Причем первый ее опыт был ограничен одним бокалом шампанского на дне рождения у подруги.

На этот раз Петр плеснул ей всего полстакана и приказал:

– Выпьешь после того, как хорошо поешь, а то Анастасия Семеновна мне не простит, что я ее внучку спаиваю. – Он отломил ножку индейки и положил ее на Наташину тарелку. – Ешь давай, а то ведро воды тяжелее нести, чем тебя.

Наташа поперхнулась от неожиданности:

– Это как же тебя понимать?

– А так и понимай! Совсем исхудала со своей работой... – Петр протянул руку и осторожно коснулся ее подбородка. – Щеки ввалились, глаза, но все равно ты самая красивая, Наташка. – Его пальцы нежно скользнули по ее лицу, и Наташа испуганно отпрянула назад, но слишком резко и, покачнувшись от сильного головокружения, чуть не упала с табуретки. Петр подхватил ее.

Он прижал ее к своей груди и, задыхаясь, прошептал:

– Господи, Наташка! Ну почему ты так меня боишься? Поверь, я умею быть очень нежным и ласковым. – Его правая рука уже смелее обхватила ее плечи, а левая прижалась к спине, и Петр почти сдавил ее в своих объятиях. Наташа невольно вздрогнула, прикоснувшись к колючей щеке.

Но уже в следующее мгновение забыла об этом. Его губы, пахнувшие вином и табаком, прильнули к ее губам. Петр покрывал поцелуями ее лицо, шею и плечо, до которого добрался, отогнув воротник платья.

Наташа попыталась оттолкнуть его, но вино так приятно кружило голову, поцелуи Петра смущали и волновали, и она в его объятиях уже почти не ощущала ни страха, ни обиды. Наоборот, все тревоги и сомнения в одночасье

улетучились. Разумом она понимала, что эти поцелуи и не в меру настойчивые объятия следует немедленно прекратить, пока дело не зашло слишком далеко. Но ладонь Петра на ее щеке была такой теплой, пальцы так нежно поглаживали кожу, и Наташа поняла, что окончательно теряет голову от этих ласковых, возбуждающих прикосновений. И даже не удивилась, когда он поднял ее на руки, отнес и уложил на кровать.

И вдруг, едва вновь коснувшись ее губ, Петр отпрянул.

– Наташа... – Голос его изменился, звучал хрипло и незнакомо. – Наташка, – повторил он, – я ведь могу не остановиться.

– И не надо. – Наташа закрыла глаза, не понимая, во сне или наяву лежит она в чужой постели с мужчиной, но менее всего ей хотелось сейчас рассуждать по этому поводу. Она просто отдалась необыкновенно приятным ощущениям, которые ей доставляли поцелуи Петра.

И тут Петр приподнял ее с постели. Его подрагивающая от возбуждения рука скользнула ей за спину, пальцы легко пробежались по позвонкам, будто сыграли нежнейшую из мелодий, и запутались в Наташиных волосах. Другая рука обхватила ее за талию, прижала к горячему мужскому телу. Поцелуи, поначалу такие легкие, робкие, стали более настойчивыми и требовательными. И Наташа внезапно поняла, что навсегда переступила тот рубеж, за которым остаются детство и мимолетные поцелуйчики, совсем ничего не значащие и вызванные одним-единственным желанием доказать, что ты достиг заветного порога взрослости и теперь можешь свободно посещать вечерние киносеансы и ложиться спать после десяти вечера.

А Петр становился все напористее. Что-то незнакомое, властное и даже грубое проявилось вдруг в нем, полностью парализовав Наташину волю. И она уже не отдавала себе отчета, забыв обо всем: что давно пора быть дома, бабушка наверняка беспокоится и не спит, что завтра рано утром ей нужно ехать в госпиталь... Захваченная потоком чужой страсти, Наташа, точно бумажный кораблик, закружилась в водовороте эмоций и понеслась на гребне волны в неизведанные дали, не подозревая, что же они уготовили ей: грозный водопад, грохочущую стремнину порогов или спокойную гладь речного плеса...

Без всякого принуждения и стеснения Наташа потянулась к Петру, обхватила руками его голову и прижалась к нему всем телом.

Петр потрясенно вздохнул, и она ощутила, как он нащупал застежку ее платица и начал расстегивать пуговицы.

Его пальцы коснулись ее обнаженной кожи, и приступ тревоги вдруг пронзил ее сердце. Ей захотелось заплакать, оттолкнуть Петра, но его руки держали ее крепко, и все Наташины робкие попытки освободиться ни к чему не привели; Петр как ни в чем не бывало освободил ее от платья. Наташа вздрогнула, как от ожога. И действительно, его ладони, охватившие ее грудь, были нестерпимо горячими, но почему же тогда все ее тело будто заледенело, покрылось «гусиной кожей»? Ведь еще минуту назад одних поцелуев ей стало мало, она хотела продолжения и своей уступчивостью подталкивала его на более настойчивые и откровенные ласки.

Петр моментально почувствовал перемену в ее настроении. Задыхаясь от возбуждения, он опустился рядом. Плотное, пышущее жаром мужское тело прижалось к ней, его губы приблизились к ее губам, и Петр тихо пробормотал:

– Малышка моя дорогая, теперь я не оставлю тебя в покое!

Наташа попыталась что-то прошептать, оттолкнуть его, но жадные горячие губы перекрыли ей доступ воздуха, она задохнулась и почти бессильно обвисла в его руках.

Вскоре Наташа полностью потеряла представление о существе происходящего. Волна сладостных, неизведанных ранее ощущений подхватила ее, закачала в своих объятиях, и Наташа неожиданно для себя почувствовала, что засыпает. Где-то далеко в мозгу сверкнула мысль, что сегодня она слишком много выпила вина и перед работой надо хорошенько выспаться. А все, что происходит с ней сейчас, лишь плод ее воображения, горячечные фантазии, вызванные алкоголем. И эти ласки, и поцелуи – всего лишь сон, а завтра она проснется, и все будет по-прежнему...

Она провела ладонью по волосам мужчины, лежавшего рядом, и подумала: «Интересно, почему у него серые глаза?»

Странное беспокойство овладело ею. Почему они лежат в одной постели, ведь ему еще не разрешено вставать? А если сейчас в палату войдет Герасимов? Или, не дай бог, Нина Ивановна? Что она им скажет? Как объяснит, почему вдруг оказалась в таком положении?

Но Наташа не успела придумать ни достойного ответа, ни объяснения своему поступку. Мужские руки скользнули по ее телу вниз, Наташа напряглась, пытаясь освободиться от навалившейся на нее тяжести. Теперь это был не Игорь, она знала это точно, кто-то чужой и не совсем ей приятный... Она попробовала открыть глаза, но безуспешно. Веки, как и все тело, налились свинцом, и она застонала от бессилия. Лежавший на ней мужчина, очевидно, подумал, что это проявление страсти; он прижался к ее уху губами и знакомым, хриплым от возбуждения голосом прошептал:

– Наташка, как я люблю и хочу тебя!

В следующее мгновение ее тело пронзила резкая боль. Вскрикнув, она забилась в сильных руках, но мужчина немного приподнял руками ее бедра и начал медленное движение внутри нее, продолжая то шептать ей на ухо ласковые слова, а то принимаясь покрывать поцелуями ее лицо, шею, обнаженную грудь.

На мгновение ей показалось, что темнота, разрываемая сполохами огня в печи, расступилась, стены дома раздвинулись и она лежит не на грубом, колючем одеяле, а на горячем речном песке. Знакомые серые глаза притягивают ее, манят, зовут... Она пытается позвать своего единственного, любимого.... Но вдруг сознание ее прояснилось, Наташа открыла глаза и увидела над собой лицо Петра. Зажмурив глаза и закусив губу, он быстрыми толчками двигался в ней, вскрикивая от возбуждения.

Она ощутила саднящую боль, которая усиливалась при каждом резком движении Петра. Наташа напряглась, подтянула под себя колени, Петр открыл глаза, с недоумением посмотрел на нее и в то же мгновение вскрикнул, задвигался еще быстрее, быстрее и, громко простонав, упал на нее обессиленный, прошептав едва слышно:

– Наташка, сейчас я сойду с ума!

Она осторожно отвела от себя его руки. На душе было пусто, и хотелось плакать. И слезы не заставили себя ждать. Одна за другой покатались по щеке, проложили влажную дорожку по шее.

Но Петр будто не видел перемены в ее настроении. Восторг и счастье захлестывали его, и, очевидно, поэтому он не сразу заметил, что Наташа не разделяет его настроения, а неподвижно лежит, безучастная и равнодушная. Хотя нет! Он слизнул языком одну соленую капельку на ее щеке, потом другую... Приподнялся на локте и внимательно посмотрел на Наташу.

– Что с тобой, родная? – Он попытался вновь обнять девушку, но Наташа перехватила его руку и села на постели.

Петр смотрел на ее худенькую спину, выпирающие лопатки, тонкую талию, и его сердце вдруг сжалось от предчувствия беды. Совсем не так он представлял их первую ночь.

Он сел рядом с Наташей, крепко обнял ее за плечи, развернул к себе лицом и вопросительно посмотрел ей в глаза. Но Наташа отвела взгляд и, резко дернув плечом, попыталась сбросить его руку. Петр понял, что она расстроена и, вероятно, испугана, и попробовал ласками успокоить ее.

Но тело любимой по какой-то неведомой ему причине перестало подчиняться его воле. Наташа более настойчиво отстранила руки Петра и опустила ноги на пол.

– Который час? – спросила она тихо и испуганно вскрикнула, когда услышала, что уже третий час ночи. Хмель из головы окончательно улетучился, и Наташа с ужасом поняла, что натворила на самом деле. – Господи! Что теперь будет? Как я скажу бабушке? Она же меня на порог не пустит! – Девушка упала на кровать и в голос зарыдала. И не только бабушкиного гнева она боялась, было еще что-то, затаившееся в укромных уголках ее сознания, что тревожило гораздо больше и от чего ее сердце заходило в тоске от отчаяния и безысходности.

– Успокойся, прошу тебя! – Петр ласково погладил ее по спине и протянул ей платье. – Одевайся, я провожу тебя и объяснюсь с Анастасией Семеновной!

– Ну уж нет! Я виновата, я и отвечать буду!

Петр застыл с пиджаком в руках.

– Наверно, ты боишься, что Анастасия Семеновна рассердится на нас за то, что мы поспешили и переспали с тобой до свадьбы? – попытался догадаться Петр. – Но мы сразу же в понедельник пойдем в сельсовет и подадим заявление. У меня там бывшая одноклассница работает, я с ней договарюсь, чтобы нас расписали до конца твоих каникул.

– Но с чего ты взял, что я хочу выйти за тебя замуж? – удивилась Наташа. – И я совсем не собираюсь посвящать бабушку в то, что случилось с нами. Я одна во всем виновата. Во-первых, потому, что слишком много выпила, во-вторых, что позволила тебе переступить рамки дозволенного. Так что я сама разберусь с бабушкой, а тебя прошу об одном: пусть все останется между нами.

– Что ты городишь? – Петр с досадой посмотрел на нее. – Через неделю мы поженимся. Я не собираюсь скрывать от твоей бабушки, что мы фактически уже муж и жена. – Он опустил на колени и стал покрывать поцелуями ее руки. – Не отталкивай меня, Наташка! Ты же знаешь, что никого дороже тебя у меня нет на этом свете. Ведь я из-за тебя из дому ушел, с родителями разругался. Неужели это не доказательство, неужели ты не в состоянии оценить, на какие жертвы я иду, чтобы добиться твоей любви? И сегодня я счастлив, как никогда, потому что ты стала моей. Теперь я еще сильнее люблю тебя. Выходи за меня замуж, и, я клянусь, ты никогда об этом не пожалеешь. – Он приподнялся с колен, присел на кровать рядом с ней. – Сегодня для тебя все было в первый раз, и я знаю, это не очень приятно, но со временем ты научишься понимать меня, а я научу тебя любить по-настоящему.

– Но зачем ты сделал это? – зарыдала Наташа. – Ты же понимал, что я пьяная и себя не контролирую. Ты ведь опытнее меня, почему же не остановился сам и не остановил меня?

– Потому что это было выше моих сил, – сказал устало Петр. – Потому что я слишком люблю тебя, потому что тоже выпил и окончательно слетел с катушек!

Наташа закрыла лицо ладонями и вдруг вспомнила все, что произошло с ней на дне рождения Петра. словно в немом кино перед глазами всплыли злые физиономии старших Романовых, разъяренное лицо Галины и растерянно-испуганное Милкино... «Ничего, – злорадно подумала Наташа, – знали бы они,

где сейчас их дорогой Петруша, кого на коленях умоляет выйти за него замуж». Хотелось бы ей увидеть, как будет выглядеть все семейство и его дорогие гости утром, когда узнают, что они с Петром стали мужем и женой.

Наташа отняла руки от лица и посмотрела на Петра:

- Ты действительно хочешь жениться на мне?

- Наташка, - он осторожно дотронулся до ее щеки, - глупенькая, я только об этом и думаю...

- Хорошо, я выйду за тебя. - Наташа храбро посмотрела ему в глаза и с вызовом произнесла: - Но учти: я привыкла сама решать свои проблемы. С бабушкой сама объяснюсь и работу в госпитале бросать не собираюсь. Меня попросили ухаживать за одним тяжелораненым. Он перенес сложную операцию и нуждается в сиделке. Так что свадьбу пока придется отложить.

- То было вчера, а сегодня обстоятельства изменились. Насильно никто тебя работать не заставит. Хочешь, поедем и вместе утрясем все дела!

- Не стоит, Петя! - Наташа устало вздохнула. - И давай не будем спорить. Я отработаю в госпитале до конца каникул, а зарегистрироваться мы и в конце августа успеем, перед тем как я уеду в Ленинград...

- Так ты не собираешься переводиться во Владивосток? - Петр озадаченно уставился на нее.

Наташа пожала плечами, отвела глаза:

- Не знаю пока! Вероятно, первый семестр придется проучиться в Ленинграде, а там посмотрим...

Петр печально усмехнулся и обнял ее за плечи.

- Эх, Наташка, Наташка, как не было в твоём сердце местечка для меня, так, наверно, и не появится!

Наташа опустила голову и, когда его теплые, мягкие губы коснулись ее щеки, ничего, кроме досады, не испытала. Она чувствовала себя больной, разбитой и опустошенной. Ей было его нестерпимо жалко, но у нее не осталось уже сил ни на что – ни на уговоры, ни на обещания.

– Прости, если сможешь, но я такая, какая есть, и меня уже не переделать. – Наташа направилась к двери и, остановившись на пороге, спросила: – Ты проводишь меня?

В мгновение ока Петр очутился рядом с ней.

– Никуда я тебя не отпущу! Запру под замок, а утром сам объяснюсь с бабушкой. Думаю, она меня поймет и простит. – Он подхватил Наташу на руки и отнес на кровать. Заботливо поправил у нее под головой подушку, укрыл одеялом. – Поспи, успокойся. Я понимаю, что тебе сейчас нехорошо, но через день-два ты научишься получать удовольствие по полной программе! Поверь, учитель я хороший!

Откинув край одеяла, Петр уткнулся лицом в ее колени. В смятении она ухватила его за волосы и потянула вверх.

– Петя, милый, родной! – взмолилась Наташа. – Остановись, ради бога! Мне нужно срочно домой! У бабули больное сердце, ты же знаешь!

– Хорошо, – он поднял голову, – пойдем. Но дай слово, что сегодня окончательно обсудим и решим все вопросы. Обещаю, я не буду против твоих предложений, но учти: в разумных пределах.

Наташа облегченно вздохнула и даже поцеловала Петра в щеку.

– Спасибо, но ты тоже дай слово, что срочно сбереешь эту несносную щетину, а то она у тебя чище наждака.

Петр засмеялся, подхватил ее на руки и закружил по комнате:

– Девочка моя, только разреши, и я шага не позволю тебе по земле ступить!

Глава 9

Бабушка поджидала внучку на лавочке у калитки. Завидев две темные фигуры, показавшиеся на фоне заметно посветлевшего неба, она молча прошла в дом. Виновато взглянув на Петра, Наташа последовала за ней, но он решительно взял ее за руку, остановил на пороге:

– Давай-ка сначала я с бабушкой поговорю, а ты иди к себе в комнату. Я позову, если потребуется.

Прокравшись на цыпочках мимо кухни, Наташа успела заметить, как Петр, отобрав у бабушки чайник, поставил его на огонь. Анастасия Семеновна что-то тихо говорила ему, но что именно, Наташа не разобрала. Осторожно прикрыв за собой дверь в спальню, она забралась на кровать с ногами и попыталась осмыслить случившееся.

Несколько часов назад она и не помышляла о замужестве, а вечеринку у Романовых воспринимала лишь как тяжкую повинность, которую легче отбыть, чем отказаться от нее. Что же послужило толчком к тому, что она враз забыла обо всех своих принципах и легла в постель с мужчиной, которого никогда не любила и не любит сейчас? Почему с такой готовностью откликалась на его ласки?.. А может, это и есть самое главное в семейной жизни – ощущать себя любимой, а со временем она и сама научится любить?

Но почему тогда чувство безысходности и тоски рвет на части ее сердце? Почему с момента их соединения она испытывает стыд и отчаяние, словно изменила кому-то, чье присутствие ощущала рядом с собой с того самого момента, когда руки Петра впервые коснулись ее обнаженного тела? Ощущала сердцем... И к этому тревожному ощущению примешивалось усилившееся чувство вины перед Петром. Выходит, там, в маленьком домике на берегу Суйфуна, она подло его обманывала?

Наташа опустила голову на подушку. С удовольствием вытянула ноги. Наверно, стоит немного поспать, а после обдумать сложившееся положение на свежую голову.

Она закрыла глаза и забылась... И вдруг чье-то теплое дыхание коснулось ее щеки... Она вздрогнула. В затуманенной голове пронеслось: неужели проспала? Неужто бабушка сговорила с Петром и специально ее не разбудила? Хотела посмотреть на часы – их на руке не оказалось. Наташа вскочила на ноги... и с удивлением оглядела чужой двор. Как она здесь очутилась? За спиной слышались шаги, и, повернувшись, она застыла в еще большем недоумении. От дверей совершенно незнакомого дома к ней подходил также совершенно незнакомого мужчины. Он молча, словно не заметив замершей в оцепенении девушки, прошел мимо. Наташа успела рассмотреть крошечные капельки пота, выступившие на его обнаженной загорелой спине. Под правой лопаткой виднелось темное родимое пятно в форме перевернутого вверх рожками полумесяца. Незнакомец подошел к висевшему на дереве умывальнику и склонился над тазиком. Умываясь, он шумно отфыркивался, затем обтерся полотенцем и, повесив его на плечо, поднялся на крыльцо. Наташа потрясла головой, пытаясь стряхнуть наваждение, и тут поняла, что по-прежнему сидит на своей кровати, закутавшись в бабушкин пуховый платок.

Из кухни доносились тихие голоса. Выходит, Петр еще не ушел, и разговор, очевидно, идет нелегкий...

Наташа выглянула в окно. Дальние сопки уже зарозовели. Еще несколько минут, и солнце выплывет из-за горизонта, наступит новый день. Пока же можно еще немного поваляться в постели. Вещи у нее собраны, а до вокзала десять минут ходьбы...

Наташа вновь склонила голову на подушку, и в ту же секунду лицо незнакомца возникло перед ней. Впрочем, оно не было таким уж незнакомым. Она определенно где-то его уже видела, но где, не могла вспомнить. Наташа сжала голову ладонями и вдруг поняла, что этого человека она знает уже целую вечность и отчаянно его любит.

Мужчина медленно склонился над ней, и Наташа с готовностью подалась ему навстречу. Она обхватила его руками за шею и притянула к себе. Незнакомец шевельнул губами, точно порывался о чем-то спросить, но она мгновенно прижалась к этим губам пылающим от нестерпимой жажды ртом и, ощутив ответное движение, застонала от почти болезненного желанья немедленно слиться с этим человеком в единое целое. Ее руки скользнули по его обнаженному телу и наткнулись на грубый рубец. Наташа удивилась, почему не заметила этого шрама, когда мужчина проходил мимо нее...

Между тем ее одежда словно испарилась, и его руки мягко коснулись ее груди. Сильные пальцы обняли упругие полушария, и Наташа почувствовала, что сердце неистово, странными рывками ответило на его ласку. Лево́й рукой он приподнял ее голову, и Наташа вдруг не ощутила привычной тяжести косы. Но и это почему-то ее не испугало, а лишь вызвало легкое недоумение. Правая рука незнакомца продолжала ласкать ее грудь, и девушка вдруг почувствовала, что вот сейчас с ней произойдет нечто необыкновенное, ни разу в жизни не испытанное. Она обняла мужчину, прильнула к его груди. Его губы ласково пробежались от ее уха до ключицы, и Наташа едва разобрала тихий шепот:

- Не уходи, останься со мной! Я так по тебе соскучился...

Она хотела ответить, что тоже очень соскучилась и никогда не уйдет от него, но резкий звонок заставил ее очнуться и открыть глаза. За окном вовсю светило солнце, она одна-одинешенька лежала одетая поверх одеяла, а рядом стояла бабушка с будильником в руке.

- Вставай, гулена! Через час электричка, а тебе и горя мало!

Наташа с опаской посмотрела на нее:

- Бабуля, Петр тебе все рассказал?

- Ну а как же? Целый час грехи замаливал. - Анастасия Семеновна присела на кровать и прижала внучку к себе. - Что же ты натворила, девочка? Понимаешь ли хотя бы, что это на всю жизнь?

Наташа пожала плечами:

- Теперь уже ничего не изменишь. Я пообещала Петру выйти за него замуж.

- Одного не пойму, - бабушка с грустью смотрела на нее, - почему ты вдруг согласилась выйти за него? Еще вчера днем ты и слышать об этом не хотела.

Наташа сердито нахмурилась:

– Знаешь, как его родственники на нас накинулись, когда он заявил, что хочет жениться на мне, а не на Милке Севостьяновой? Если бы не этот скандал, наверно, ничего бы не случилось... А то они считают, что я недостойна стать женой их дорогого Петеньки.

– Наташа, подумай, что ты говоришь! – Анастасия Семеновна схватилась за сердце. – Выходит, ты в пику его родителям так поступила? Лишь бы досадить им? Разве так можно? Ты же и себе, и Петру жизнь поломаешь!

Наташа фыркнула, поднялась с кровати и подошла к зеркалу. Распустив волосы, она тщательно расчесала их и принялась снова заплетать в косу. Бабушка некоторое время молча наблюдала за ней, потом встала за Наташиной спиной. Ее сердитый взгляд встретился в зеркале с безмятежным внучкиным взглядом.

– Откажи Петру, пока не поздно!

Наташа отвернулась от зеркала, обняла старушку за плечи и с расстановкой произнесла:

– Ни за что! Он меня любит, и это главное! Со временем и я его полюблю.

В дверь постучали и помешали бабушке высказать все, что она думает о своей пустоголовой и несерьезной внучке. В комнату вошел Петр. Мокрые волосы курчавились на затылке: он уже успел сбегать на реку и искупаться. В руках он нервно крутил сумку, которую вчера захватил из дома.

Наташа тщательно уложила косу в тяжелый узел, закрепила его шпильками и только после этого соизволила повернуться и бросить взгляд на будущего мужа. Петр смотрел на нее печально и виновато.

– Значит, ты все-таки едешь на работу? А как же насчет заявления в загс?

– Петя, мы ведь обо всем договорились! – Наташа недовольно скривилась. – Во вторник или даже в среду я попрошу Нину Ивановну подменить меня на пару часов, тогда и съездим, подадим заявление.

– Хорошо! – Петр вздохнул с облегчением. – Если хочешь, я могу тебя отвезти во Владивосток. Сейчас только сбегая за машиной...

Он поспешил на улицу. Бабушка проводила его взглядом и покачала головой:

– Не думала, что он так быстро под твой каблук попадет. Мой тебе совет, внучка, если хочешь его полюбить, сначала научись уважать, прислушиваться к его мнению и помнить, что он-то тебя уже любит. – Анастасия Семеновна направилась к двери, но на пороге остановилась. – Петр поживет в дедушкиной комнате до свадьбы, раз уж у него так с родителями получилось.

Наташа пожала плечами и вновь повернулась к зеркалу.

Минут через пятнадцать Наташа вышла на кухню, за окном послышался шум автомобильного мотора. Наташа выглянула из окна и увидела у калитки «Жигули». Открыв багажник, Петр вытаскивал из него какие-то коробки и чемоданы. Наташа подозвала бабушку.

– Кажется, Наталья, у Петра и вправду полный развод с родителями. Ну что это за люди такие? – Анастасия Семеновна огорченно посмотрела на внучку. – Неужели из-за какого-то барахла можно расплеваться с собственным сыном? Иди-ка помоги мужику, – подтолкнула бабушка Наташу, и та поспешила на помощь Петру. Анастасия же Семеновна, заметив брошенный украдкой взгляд будущего зятя на окна, отступила в глубь кухни. Не увидев ничего подозрительного, Петр обнял Наташу и поцеловал в губы.

– Ты не представляешь, я уже успел по тебе соскучиться! Разреши мне хотя бы через день приезжать к тебе. Часок, думаю, сумеешь выкроить, чтобы повидаться и побыть вместе.

– Наверно, сумею. – Наташа чмокнула его в щеку и впервые со вчерашнего вечера улыбнулась. – Ну, пошли завтракать, а то на работу опоздаю.

Петр обнял ее за плечи, так они и вошли в кухню, где бабушка уже накрыла стол к завтраку. Наташа очень быстро управилась с тем, что лежало на ее тарелке, потом принялась торопливо глотать чай. Но Петр лишь ковырнул яичницу и отодвинул ее в сторону, к чаю же совсем не притронулся. Бабушка многозначительно скосила глаза в сторону Петра, и Наташа подсела к нему,

участливо взяла за руку, отметив горькие складки около рта и глубокую морщину, прочертившую лоб.

Петр поднял на нее глаза и вдруг изо всех сил сжал ее руку, так что Наташа сморщилась от боли. Но Петр, похоже, не заметил этого и с грустью произнес:

– Понимаете, родители даже не захотели со мной разговаривать. Выкинули все мои вещи на крыльцо. Галина, правда, вышла, открыла гараж, но тоже молча. Но когда я сообщил, что мы с тобой, Наташа, поженились, она чуть с ума не сошла. Схватила полено – и на меня! Хорошо, я успел вовремя увернуться. Кое-как скрутил ее и затолкал в курятник. Орала как блаженная. Теперь весь поселок в курсе, что мы с тобой практически поженились! – Он невесело улыбнулся. – Извини, что так получилось!

– Знаешь, сплетен я меньше всего боюсь. – Наташа с вызовом тряхнула головой. – Поговорят и через неделю забудут.

– Я тоже так думаю. – Петр нежно погладил ее по плечу. – Утром я все успел обдумать. До регистрации, так уж и быть, поработаешь в госпитале, а я подготовкой к свадьбе займусь. А в сентябре у меня отпуск, так что следом за тобой прикачу в Ленинград. Там и решим все вопросы с твоим переводом, не возражаешь?

«Что мне теперь остается», – подумала Наташа, а вслух произнесла:

– Естественно, нет. Немного жалко, конечно. Я ведь так хотела именно в Ленинграде учиться. И дедушка наш мединститут окончил, и папа с мамой... – Наташа на секунду задумалась, словно избавляясь от сомнений, махнула рукой. – Обязательно приезжай! Я тебя с Сонькой познакомлю, с ее мамой и тетушками...

Анастасия Семеновна поставила на стол перед Наташей две стеклянные баночки: одну – с медом, другую – с лимонником:

– Отвези своему подопечному. Пускай быстрее поправляется!

Петр одобрительно усмехнулся:

- Спасибо, Анастасия Семеновна, вы всегда все правильно понимаете!

Глава 10

До начала дежурства оставалось чуть более получаса. Петр помог Наташе донести чемодан до входа в отделение. Тут их увидела Нина Ивановна. Строго оглядела ладного парня, сопровождавшего Наташу. Старенький халат, позаимствованный девушкой у знакомой санитарки, доставал ему едва до середины спины, а на плечах держался вообще на честном слове.

- Познакомьтесь, Нина Ивановна, это - Петр Романов, мой жених. - Наташа смущенно улыбнулась и виновато посмотрела на свою начальницу.

Обомлевшая от удивления Нина Ивановна машинально пожала протянутую руку. Парень улыбался и внешне производил весьма неплохое впечатление. Нина Ивановна с некоторым недоумением глянула на Наташу. Интересно, почему девочка ни разу не вспомнила о нем во время их вечерних чаепитий? Стеснялась? Из многолетнего опыта работы в женском коллективе Нина Ивановна знала, что основной темой разговоров молоденьких медсестер являлось обсуждение достоинств и недостатков женихов и мужей, толкование снов, различных высказываний, вольных или невольных намеков, которые могли бы поведать о грядущей судьбе. А тут вдруг ни слова! Нина Ивановна еще раз удивилась подобной выдержке и приказала попавшемуся под руку санитару отнести Наташины вещи в палату.

Оставив молодых людей за дверями отделения, она ушла по своим делам. Но прощание у них получилось неловким и скомканным. Врачи и сестры, спешившие мимо них на службу, считали своим долгом оглядеть их с ног до головы. Поэтому Наташа ограничилась лишь быстрым поцелуем в щеку и выпроводила будущего мужа восвояси, еще раз заверив его, что непременно отпросится у Нины Ивановны на пару часов, чтобы подать заявление в загс.

Она быстро добежала до первой палаты, радуясь в душе, что Нина Ивановна не стала расспрашивать ее о Петре. Честно сказать, она немного побаивалась грядущих объяснений со своей строгой наставницей. Хотя что тут особенного, если до поры до времени она скрывала скорое замужество? И совсем не

обязательно Нине Ивановне знать, что все получилось так неожиданно, буквально с бухты-баракты...

В палате Наташа обнаружила Екатерину с очередной капельницей. Но больной по сравнению с предыдущим днем выглядел несравненно лучше: на впалых щеках появился едва заметный румянец, а глаза оживились и весело заблестели, когда он увидел свою сиделку.

– Я уж подумал, что вы мне приснились! – Раненый приподнял голову, точно пытался оглядеть Наташу с ног до головы, но, заметив косой взгляд Екатерины, широко улыбнулся и ей. – Вот вас-то мне уже никак не забыть! Ведь это не капельница, – он хитро блеснул глазами, – а прямо райское наслаждение, особенно в ваших искусных руках!

Процедурная медсестра покраснела и смущенно улыбнулась.

– Скажете тоже! – Она удобнее уложила его руку, которая свесилась с кровати. – Через часик капельницу уберем, и вам станет легче. После этого Наталья вас напоит, а до этого лучше не пить.

Екатерина вышла из палаты, а Наташа принесла из ванной тазик с теплой водой и осторожно влажным полотенцем протерла лицо и руки раненого лейтенанта. Все это время Игорь молча и исподлобья рассматривал Наташу. Она тоже молчала и старалась избегать его пристального взгляда. Стоило ей войти в палату, и она вновь ощутила знакомое возбуждение. Обнаружив, что ее подопечный выглядит вполне прилично, девушка неожиданно для себя страшно обрадовалась, поэтому чувствовала себя сейчас не в своей тарелке.

Странно, но все вчерашние события вдруг отступили на задний план как малозначительные и не требующие того, чтобы о них постоянно помнить.

Закончив умывание, Наташа решилась все-таки посмотреть на него и вдруг вздрогнула. Точно мощный электрический разряд проскочил между ними, и ее словно током ударило. Глаза лейтенанта на мгновение вспыхнули, и Наташа поняла, что он тоже испытал нечто подобное. Сиделка испуганно отпрянула, но раненый лишь молча усмехнулся и закрыл глаза. Девушка поспешила в ванную, чтобы вылить воду.

Вернувшись, она подошла к окну, раздвинула шторы и распахнула оконные створки. Поток свежего воздуха ворвался в палату. Стараясь лишний раз не смотреть в сторону своего подопечного, Наташа принялась наводить порядок на столике рядом с его кроватью. Судя по обилию фруктов и соков в холодильнике, вчера у ее пациента перебивало немало посетителей. Два огромных букета гладиолусов мешали друг другу на столике, и один из них она решила переставить на тумбочку у окна. Среди цветов что-то белело. Девушка вытащила из букета маленький кусочек картона и увидела аккуратные буквы, выведенные, несомненно, женской рукой: «Несравненному и любимому Игорю Карташову с надеждой на скорое выздоровление!» Наташа протянула карточку «несравненному» и кем-то любимому пациенту:

– Это, видимо, вам?

Повертев послание в руке, Игорь опустил его на одеяло и умоляюще глянул на девушку:

– Ради бога, Наташа, перестаньте суетиться! Лучше сядьте и поговорите со мной.

Наташа подчинилась, присела на краешек стула и уже смелее посмотрела на Игоря. Серые глаза встретились взглядом с голубыми, и молодые люди дружелюбно, хотя и смущенно, улыбнулись друг другу.

Игорь прищурился:

– Кажется, мы с вами подружимся. Признаюсь, вчера я как следует вас не разглядел и теперь очень рад, что за мной будет ухаживать такая красивая медсестра.

– Я не медсестра, всего лишь студентка мединститута.

– Что ж, тем лучше! Я постараюсь стать образцовым объектом вашей лечебной практики.

Игорь продолжал вежливо задавать вопросы, Наташа не менее вежливо отвечала. Из всех сил она старалась скрыть свое смятение и почти проклинала

тот день и час, когда согласилась поработать сиделкой. Этот человек, даже в нынешнем его состоянии, был слишком опасен для нее, но поняла она это чересчур поздно. Ее подопечный явно был из тех субъектов, которые добиваются всего, чего захотят, и в максимально короткие сроки. Здравый смысл подсказывал ей: с этим лейтенантом недопустим даже легонький флирт, и необходимо соблюдать приличную дистанцию, чтобы не попасть в расставленные им ловчие сети. Все это Наташа отлично понимала, но тем не менее уже ничего не могла с собой поделать. Она точно приклеенная сидела рядом на стуле, болтала с ним и даже улыбалась в ответ на его незамысловатые шутки, как самая последняя дурочка.

Наташа не подозревала, насколько сам Игорь поражен этой встречей. Умение сдерживать свои эмоции, всегда помогавшее ему и выручавшее в трудных ситуациях, на этот раз основательно подвело его. Поначалу он хотел признаться, что рыжий санитар не только побрил, но и умыл его. Но слишком велико было искушение почувствовать вновь тепло ее ладоней, которое так благотворно на него действовало, о нем он тайно мечтал во время ее отсутствия. Лейтенант знал, что прикосновение этих нежных рук вернуло его из забытья, но он почти не запомнил свою сиделку. В памяти осталась только необыкновенная яркость девичьих глаз да русая коса – большая редкость по нынешним временам.

Старшая медсестра предупредила его, что сиделка появится к восьми, и он все утро исподтишка наблюдал за дверью, в душе посмеиваясь над собой. Взрослый мужчина, а ведет себя как сопливый юнец на первом свидании. Неужели он ослабел до такой степени, что полностью потерял над собой контроль? Конечно, втайне ему очень хотелось, чтобы девица оказалась симпатичной.

В душе лейтенант Карташов был большим эстетом. В редкие свободные от службы часы старался выбраться в театр или на выставку. Женщин признавал исключительно красивых, с изюминкой. Они отдавались ему охотно, без лишних сантиментов, потому и он воспринимал их соответствующим образом: как приятное дополнение к тем удовольствиям, которые положены мужчине в расцвете сил, к тому же не обремененному семьей и заботами, с ней связанными.

Девочка, к его потаенной радости, оказалась прехорошенькой, очень юной и застенчивой, краснеющей по любому поводу.

Стараясь не выдать возникшего к ней интереса, Игорь прикрыл глаза, но сквозь ресницы продолжал наблюдать за своей сиделкой, которая, кажется, обрадовалась, что он прекратил свои расспросы и пытается теперь задремать.

Наташа тихо передвигалась по палате, не подозревая, с каким вниманием ее изучают, иначе она не вела бы себя так естественно, как ни одна еще женщина в присутствии Игоря Карташова.

На вид ей было не больше двадцати. При высоком росте она совсем не казалась худой. Грудь была высокой и, судя по углу отклонения белого халата, красивой формы. Но особенно его поразили ноги девушки: высокий подъем, изящные щиколотки – он не встречал ничего подобного в своей практике и потому уделил их разглядыванию гораздо больше времени, чем обычно. Халат прикрывал Наташины колени, но тут она подошла к окну и, поднявшись на цыпочки, раздвинула шторы. Мелькнули точеные колени, узенькая полоска бедра, и Игорь задохнулся от возбуждения: девочка, несомненно, произвела на него впечатление. С одной стороны, это его обрадовало: значит, основные функции его организма находятся в добром здравии, если на третий день после операции он уже способен реагировать на женщину. Может, сказалось почти месячное воздержание? Но почему же вчерашнее появление Виктории, с которой он спал последние полгода, ничего, кроме легкой досады, у него не вызвало? Он объяснил себе это состоянием после операции. Торопливый, жадный поцелуй любовницы не возбудил ответного огня, а сейчас он еле-еле сдерживал нетерпение при одном воспоминании о теплых девичьих пальцах, касавшихся его кожи.

Наташа могла только догадываться, какие мысли бродят в черноволосой голове ее подопечного. Игорь открыл глаза и уже без капли стеснения продолжал изучать ее, не скрывая при этом своего одобрения. Девушка отметила для себя, что холодные льдинки в его серых глазах растаяли и они стали теплее и выразительнее. Одновременно они неудержимо притягивали, манили обещанием чего-то неизведанного и потому еще более заманчивого.

– Сколько вам лет, Наташа? – спросил вдруг Игорь, и она, растерявшись, ответила, что ей девятнадцать.

Серые глаза еще раз пробежались по ладной девичьей фигурке и остановились на ее лице. Игорь не ошибся: его сиделка была слишком молода и, по всей видимости, совсем неопытна. От его вполне невинных вопросов она постоянно и

отчаянно краснела и отводила взгляд в сторону. Но, с другой стороны, он впервые встретил женщину, которая столь быстро и безбоязненно ответила на вопрос о своем возрасте.

Игорь прикинул разницу. В принципе, ничего страшного – восемь лет совсем не смертельно. Это не должно ее испугать. Он вдруг осознал, что думает об их будущей связи как о деле решенном, но согласится ли на эту связь Наташа, если до сих пор невинна? Игорь еще ни разу не был близок с девушкой, но знал от приятелей, что это может привести к непредсказуемым последствиям и даже к необходимости жениться. Однако даже мысли о «подводных камнях» не помешали ему мечтать о своей юной сиделке.

Скосив глаза на одеяло, Игорь попытался рассмотреть, не слишком ли выдает себя. Кажется, все в порядке, но на всякий случай пришлось приподнять и согнуть ноги в коленях. К его удивлению и радости, это движение не отозвалось резкой болью в прооперированном боку, и Игорь принял это за добрый знак.

– Жених-то уже есть? – Он постарался скрыть свой интерес за отеческой интонацией, и вопрос прозвучал достаточно равнодушно, но вызвал у его хорошенькой сиделки неожиданную реакцию.

– Простите, но вас это не касается! – Наташа сердито фыркнула и, закусив губу, с негодованием посмотрела на своего пациента. – И впредь прошу все вопросы задавать только по делу!

Наташа прошла за ширму, оставив Игоря в недоумении. Почему вопрос о женихе так расстроил ее? Или это больная тема для нее? Он уже встречал таких женщин, не только красивых, а вдобавок еще умных и образованных, так и не сумевших найти себе мужа. Всех потенциальных соискателей их руки и сердца именно подобное сочетание и отпугивало. Обычный мужик всегда предпочтет феминистке, которой палец в рот не клади, женщину по всем показателям обыкновенную, смиренную и сговорчивую. Только вот потом налево будет бегать именно к интеллигентной стерве, независимой и непредсказуемой, уготовив законной супруге место при кухне и детях.

В линии решительно сжатых губ сиделки, в ее внезапно сузившихся зрачках Карташов разглядел именно такой характер. Девочка, очевидно, не так проста, какой показалась на первый взгляд. Что ж, тем интереснее будет искать к ней

подход и тем слаще может оказаться победа.

Следующие три-четыре часа и пациент, и его сиделка были заняты каждый своим делом. Утренний осмотр, во время которого Лацкерт и Герасимов упражнялись в латыни и ободряющих улыбках, несколько снял напряжение, воцарившееся в первой палате после неудачного вопроса Игоря, но взаимопонимания пока не добавил.

Перевязку тоже делали в палате. Медсестры прикатили специальный столик с бинтами, тампонами, дезинфицирующими средствами. При перевязке, несмотря на субботу, присутствовал Герасимов. Он собственноручно снял повязку и с удовлетворением осмотрел марлевую наклейку, прикрывавшую шов. Она была чистой и сухой, но, когда сестра с большой осторожностью сняла ее, Наташа заметила капельки пота, выступившие у раненого на лбу. Открылся шов, и девушка вздрогнула от испуга и сострадания, хотя ей приходилось видеть нечто и похуже. Багровая полоса с темно-коричневой линией разреза, стянутая стежками швов, начиналась почти у пупка и уходила наискосок под ребра за спину. Закусив губу от волнения, Наташа наблюдала, как длинные сухие пальцы хирурга исследовали страшную отметину. Наконец Герасимов, оставив Игоря в покое, удовлетворенно хмыкнул и вытер руки о полотенце, которое протянула ему Наташа.

– Ну что ж, – он с оптимизмом посмотрел на Игоря, – есть небольшое воспаление наружного характера, но с этим, я надеюсь, мы легко справимся. Главное, что резать вторично не придется. Благодарите бога, Карташов, что так легко отделались. – Герасимов вернул Наташе полотенце и строго посмотрел на нее. – Вставать вашему подопечному не позволим еще дня два, а дальше все будет зависеть от его поведения. Бинты мы уберем, оставим только наклейку, так что, Наташа, посматривайте, не появятся ли следы крови или гноя. Сегодня подержите его на соке и бульонах, а завтра уже можно что-нибудь в виде каши предложить. – Заметив кислый взгляд Игоря, хирург ободряюще похлопал его по плечу. – Держитесь, молодой человек! Манная каша – еще не самое страшное испытание в жизни! – Он опять повернулся к Наташе и добавил: – Настоятельно прошу вас на некоторое время ограничить нашего героя в курении. Не больше одной сигареты в день!

– Я не курю! – пробурчал Игорь и с некоторой долей смущения посмотрел на Герасимова. – Доктор, можно мне по одному вопросу переговорить с вами с глазу на глаз?

– Хорошо, хорошо, – согласился Герасимов. Выпроводив медсестер, он присел на стул рядом с кроватью Игоря. Заметив, что тот выжидательно смотрит на Наташу, спросил: – Синьорите тоже прикажем покинуть палату?

– Извините, Наташа, но мне нужно обсуждать с доктором некоторые вопросы, не предназначенные для девичьих ушей, – пробормотал Игорь, старательно отводя взгляд, и вдруг неожиданно для себя сконфузился.

Наташа стремительно покраснела и уже привычно сердито закусила губу.

– Я в первую очередь медработник, а потом уже женщина, – произнесла она с негодованием. – И нечего стесняться. Если что-то у меня не получается, говорите сразу. Я свои обязанности знаю и все, что потребуется, выполню так, как положено.

– И правда, лейтенант, не стоит делать из мухи слона, – благодушно пробасил хирург. – Конечно, Наталья – девица у нас видная, но поймите: подобных вам орлов через руки наших медсестер за месяц по несколько сотен проходит. Так что смутить наших дам вашей голой, простите, задницей больших усилий стоит. Если они на каждого будут заглядываться, надолго их не хватит.

Глаза Карташова сузились и гневно сверкнули из-под бровей.

– Я все прекрасно понимаю, но мне все-таки не хотелось бы, чтобы столь юная особа сажала меня на горшок.

Наташа задыхнулась от злости: слишком уж демонстративно-насмешливым взглядом окинул ее Игорь. Она еле сдержалась, и только присутствие врача не позволило ей высказать все, что она думает об этом привереде, доставшемся ей в попечение.

Герасимов засмеялся:

– Вот оно что! Еще один хороший признак, что вы пошли на поправку, Карташов! Как только больной начинает стесняться медсестры или, наоборот, искать ее благосклонности, значит, пришла пора его выписывать. Только у вас, голубчик, это слишком рано, на мой взгляд, проявилось. И теперь Наташино расположение

вряд ли получится заслужить. Она у нас девушка строгая, выдержанная... – Хирург предостерегающе посмотрел на сиделку. – И думаю, все-таки простит вас при условии чистосердечного раскаяния.

– Семен Семенович, Наташа, – Игорь попытался приподняться на локтях, но, охнув от боли, упал на подушку, – я никого не хотел обидеть. Просто я привык обходиться без няnek... – Он с трудом перевел дух и виновато посмотрел на продолжавшего улыбаться Герасимова и свою рассерженную сиделку.

– Ладно, хватит дискуссий по поводу и без повода! – Герасимов поднялся со стула и окинул пациента строгим взглядом. – В конце концов, я старше вас по званию и могу просто-напросто приказать выполнять все предписания врачей. Ну а что касается интимных сторон вашего бытия, так и быть, избавлю Наташу от созерцания ваших мужских достоинств. Не дай бог сглазит, правда, Наташка?

Девушка сердито сверкнула глазами и ушла к себе за ширму.

– Ох и серьезная девица! – посмотрел ей вслед хирург и повернулся к Игорю: – Мой вам совет, голубчик, вы уже взрослый, опытный человек, поэтому не унижайте девочку. Хотя, если пожелаете, я попробую найти вместо нее кого-нибудь из пенсионерок. – Герасимов с хитрецей посмотрел на помрачневшего больного. – Только подскажите, а то я запомню, кто из нас двоих настаивал на Наташиной кандидатуре?

– Хорошо, сдаюсь! – Игорь поднял ладони вверх. – Но при условии, что туалет и ванную я буду посещать в одиночестве.

– При условии, что Наташа все же поможет вам добраться до оных апартаментов. Но больше никаких прогулок по палате до моего особого разрешения.

На том и порешили.

Наташа, дождавшись, когда Герасимов покинет палату, подошла к Игорю с подносом, на котором стоял стакан с клюквенным морсом и тарелка крепкого куриного бульона. Лейтенант как ни в чем не бывало улыбнулся ей:

– Слышали, Герасимов разрешил мне пробежки до мест не столь отдаленных?

Девушка поставила обед на столик.

– Что ж, его слово для меня закон. Попробуем подняться. Придерживайте рукой наклейку, а я постараюсь помочь вам.

Склонившись над Игорем, Наташа обхватила его за талию, а правую руку закинула себе на плечо, и он удивился, как легко ей удалось помочь ему приподнять непослушное тело. Выходит, зря сомневался в ее способностях.

От волнения Наташа то и дело закусывала нижнюю губу, и Игорь, несмотря на невероятные усилия, которые ему пришлось затратить только на то, чтобы спустить ноги с кровати, тем не менее улучил момент и прижался щекой к ее груди. Наташа не отстранилась, и он заподозрил, что девушка даже не заметила его уловки. Прикосновение к мягкой, упругой плоти заставило на мгновение забыть о неприятных ощущениях в заштопанном боку, и Игорь достаточно резво поднялся на ноги. Сильнейшее головокружение отбросило его в сторону, и он помимо воли обхватил девушку руками и повалился на постель. Наташа со всего размаху ткнулась носом ему в грудь, и оба зашипели от боли.

Наташа тут же оттолкнулась обеими руками от кровати и попыталась встать на ноги, но, по нелепой случайности запутавшись в ногах Игоря, со всего размаху приземлилась на пол. Придерживая рукой заклеенный шов, Игорь с трудом привел себя в сидячее положение. Но он не смог удержаться от смеха, когда увидел, как его молодая сиделка старается подняться с пола. Девушка обиженно взглянула на него и вдруг не выдержала и тоже расхохоталась.

Держась за спинку кровати, Игорь попытался поднять свое большое тело, но скривился от боли:

– Видно, не обойтись мне без вашей помощи.

Наташа молча поднялась с пола. Опять мелькнули изящные колени, а Игорь, вспомнив тепло, исходившее от девичьей груди, большую часть сил потратил на то, чтобы не выдать своего волнения. Подчинившись ее приказу, он обхватил рукой тоненькие девичьи плечи и сделал несколько неуверенных шагов на дрожащих от слабости ногах. Но молодой лейтенант не привык сдаваться и

решительно отстранил сиделку у дверей известного помещения. Затем так же настоятельно попросил не заходить в ванную и, к своей большой – а позже заметил, и к Наташиной – радости, довольно успешно справился с водными процедурами. Потом он доковылял до кровати и приготовился к трапезе. Но тут силы неожиданно оставили его, и Игорь чуть не пролил суп себе на грудь. Поддерживая его голову, Наташа напоила его соком, вытерла губы салфеткой.

Игорь лежал спокойно, вытянув руки поверх одеяла. Боль отступила, стоило девичьим ладоням прикоснуться к нему. Наташа копошилась в своем углу, кажется, мыла посуду. Скопив глаза, он видел край ее халата и стройные ноги в белых босоножках. Она убрала посуду и сняла косынку. Тяжелый узел волос распался, и русая коса, будто сноп солнечных лучей, легла на ее плечи.

Игорю нестерпимо захотелось дотронуться до ее волос, зарыться губами в упрямые завитки, выбившиеся на шее и висках, вдохнуть их аромат...

У него был опыт общения с женщинами, и он знал и умел обращаться с ними сообразно своим намерениям и желаниям. Но случались в его жизни события, о которых он предпочитал никогда не вспоминать. Он не имел привычки афишировать свои победы на любовном фронте даже среди друзей и долго не мог понять, почему женатые приятели постепенно перестали приглашать его на семейные праздники. Их общение ограничивалось встречами в сугубо мужской компании в его холостяцкой комнате в офицерском общежитии. Оказывается, одна из отвергнутых возлюбленных не преминула отомстить ему, пустив слух о том, что Карташов, мол, не гнушается переспать даже с женами своих друзей. Товарищи, в принципе, не поверили, но от дома на всякий случай его отлучили. Игорю стоило больших трудов выяснить истинную причину, почему милые женщины, которым он не сделал ничего плохого, шарахаются от него как от зачумленного, а их мужья отводят глаза в сторону и что-то смущенно мямлят в ответ на его вопросы.

С тех пор все интимные встречи с женщинами Игорь воспринимал лишь как жестокую необходимость и физиологическую потребность. Но с его последней пассией отношения неожиданно затянулись, и, как он подозревал после вчерашнего ее визита, Виктория приобрела некоторую надежду, несовместимую с его планами на будущее. Сегодня Виктория непременно появится, и он уже заранее тяготился необходимостью поддерживать игривую беседу с легкими намеками и кокетливым щебетанием, что Игорь так ненавидел.

Наконец он приказал себе не расслабляться, не забивать голову дурными мыслями и возобновил визуальное наблюдение за ширмой.

Наташа тем временем навела окончательный порядок, налила себе стакан чаю из самовара, непременно атрибута первой палаты, и решила перекусить пирогами, сверток с которыми бабушка сунула в ее сумку.

Беспокойство, охватившее ее с момента появления на пороге палаты, не отпускало ни на минуту. Странное влечение к человеку, лежавшему в пяти шагах от нее, измученному ранением и операцией, тревожило ее, не позволяло полностью сосредоточиться на работе и чуть не довело до шокового состояния, когда, падая, она уткнулась лицом в твердую мужскую грудь. К своему стыду, она поняла, что ничего так не желала в тот момент, как прижаться в поцелуе к его губам, ощутить их тепло. Она не сомневалась, что Игорь тоже был готов поцеловать ее – слишком опасно сверкнули его глаза. Но он удержался от соблазна, хотя и с явным трудом, она тоже это заметила. Наташа вспомнила эти мгновения и невольно облизала вдруг пересохшие губы. Нет, определенно нужно срочно чем-то заняться, чтобы изгнать эту чепуху из головы.

Она прошла в ванную и, быстро раздевшись, встала под душ, словно спешила смыть прикосновения его рук. Интуиция ей подсказывала: это лишь малая толика тех испытаний, которые ей предстоит преодолеть в будущем. Зажмурившись под струями воды, девушка представила себе ласковые руки, скользнувшие по ее бедрам, погладившие живот и замершие на груди. Блаженство от предчувствия желанных ласк наполнило ее ощущением небывалого, никогда не испытанного счастья. Но тут она вспомнила о Петре. Менее суток прошло с того момента, как она согласилась стать его женой, и вот уже мечтает о другом мужчине. «Бред какой-то!» – рассердилась Наташа, отгоняя мятежные мысли. Она закрыла воду и принялась энергично растираться большим махровым полотенцем.

Одевшись и взглянув на часы, Наташа торопливо вышла из ванной, покосившись в сторону подопечного. Часа через полтора должны появиться первые посетители. И тут же она поймала себя на мысли: придет ли обладательница ровного, красивого почерка, которая ждет и надеется на скорое выздоровление Игоря Карташова?

Наташа на цыпочках прокралась мимо Игоря и вышла в коридор. Тетя Катя мыла полы, и девушка шепотом попросила ее одолжить на время ведро с водой и

швабру.

– Прекрати выдумывать, – замахала руками пожилая санитарка, – закончу с коридором, приду подмахну полы и у тебя. – Не переставая елозить тряпкой по линолеуму, она кивнула в сторону палаты: – Ну, как там энтот генерал? Свирепствует небось?

– Да какой же он генерал? – улыбнулась Наташа. – Всего лишь старший лейтенант.

Старушка поджала губы:

– Что ж ему такой почет не по чину выходит? А может, у него папаша адмирал? Не зря ведь Самойлович перед ним прямо пташкой порхает!

Наташа развела руками:

– Ему приказали, он и выполняет, что тут такого? Да я и не заметила, чтобы Лацкарт перед ним слишком уж заискивал.

– Самойлович у нас мужик правильный, даром что еврей.

Девушка рассмеялась:

– У вас какие-то претензии к евреям, тетя Катя?

– Да нет, просто к слову пришлось, вроде присказки какой. – Тетя Катя оглянулась по сторонам и доверительно прошептала: – Я в отделении уже без малого сорок лет служу. Всякое на своем веку повидала. Но одно тебе скажу: вежливее и обходительнее мужиков, чем евреи, никого более не встречала.

В дальнем конце коридора показалась Нина Ивановна и поманила Наташу к себе.

– Спит твой Карташов?

– Вроде спит. Глаза были закрыты, когда я уходила.

– Ладно, посиди у меня с полчаса. Ничего с ним за это время не случится. – Старшая медсестра открыла двери в свой кабинет. – Заходи, теперь здесь придется чаи гонять и беседы беседовать.

– Почему же? – запротестовала Наташа. – Можно и у меня в палате, за ширмой. К тому же там и самовар есть, а в холодильнике мед и варенье, я из дома привезла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/mel-nikova_irina/kolechko-s-biryuzoy

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)